

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

РОБЕРТ ХАРРИС КОНКЛАВ

Настоящий мастер
на пике своего
творчества...

Mail on Sunday

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Annotation

Автор бестселлеров «Энигма» и «Фатерлянд» на этот раз предлагает нам крутой детектив, в котором людское честолюбие бросает вызов власти Господней.

Умирает папа римский, и на его место претендуют несколько кандидатов. Организовать и провести конклав по выбору нового папы поручено Якопо Ломели, декану Коллегии кардиналов. Выбор труден, не каждый из претендующих на Святой престол светел и чист душою, а некоторые из них готовы ради власти на любое злодейство. К тому же выясняется, что и прежний папа был далеко не ангел...

- [Роберт Харрис](#)
 -
 - [От автора](#)
 -
 - [1. Sede vacante\[2\]](#)
 - [2. Каза Санта-Марта](#)
 - [3. Откровения](#)
 - [4. In pectore](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)

- [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
-

Роберт Харрис

Конклав

Robert Harris
CONCLAVE

© Г. Крылов, перевод, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская
Группа „Азбука-Агтикус“», 2017 Издательство АЗБУКА®

От автора

Ради достоверности я использовал в романе настоящие титулы и звания (архиепископ Милана, декан Священной Коллегии кардиналов и т. п.), но относиться к ним нужно так же, как вы отнеслись бы в художественном произведении к должности президента США или премьер-министра Великобритании. Характеры, которые я создал для исполнения этих обязанностей, не имеют ни малейшей аналогии с реальными духовными лицами; если же я ошибся и кто-то обнаружит какие-то случайные общие черты, то приношу свои извинения. Точно так же, несмотря на поверхностное сходство, у меня не было намерения создать портрет нынешнего святого отца, когда я описывал в «Конклаве» покойного папу римского.

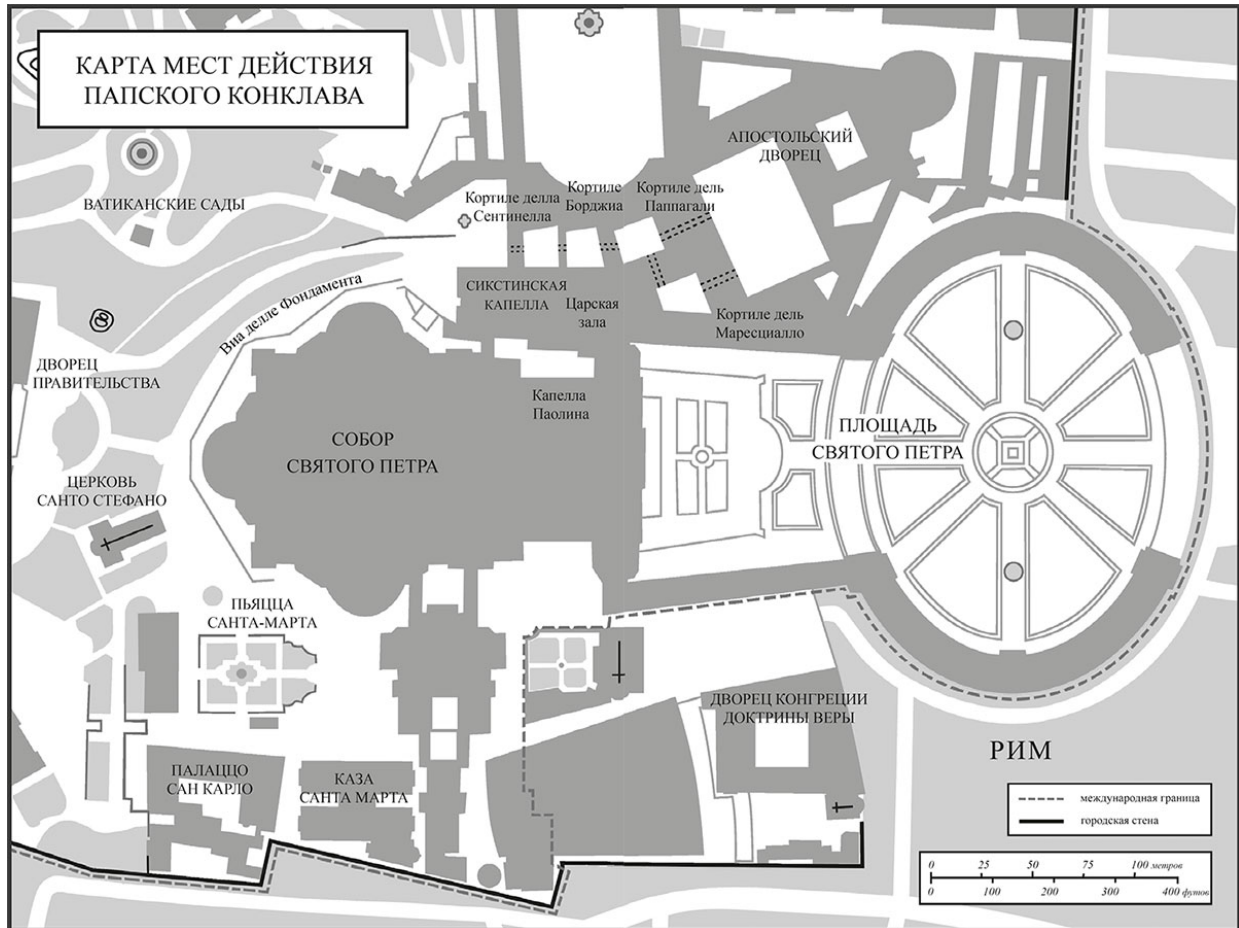
Посвящается Чарли

Я решил, что лучше мне не есть вместе с кардиналами, – и ел в своей комнате. Одиннадцатым голосованием меня избрали римским папой. Господи, я могу произнести те же слова, что и Пий XII при его избрании: «Господи, безгранично милосердие Твое, будь же милосерден ко мне». Кто-нибудь мог бы сказать, что все это похоже на сон, однако теперь до моей смерти это самая важная реальность во всей моей жизни. Итак, Господи, «я готов жить и умереть с Тобой»^[1]. Когда я стоял на балконе собора Святого Петра, мне аплодировали около трехсот тысяч собравшихся. Проектора не позволяли мне видеть ничего, кроме бесформенной колышущейся массы.

Папа Иоанн XXIII, дневниковая запись от 28 октября 1958 г.

Я был одинок и прежде, но теперь мое одиночество становится полным и ужасающим.

Отсюда и болезненные головокружения. Теперь я живу, словно статуя на постаменте.
Папа Павел VI

1. Sede vacante^[2]

Кардинал Ломели вышел из своих апартаментов во дворце Конгрегации доктрины веры незадолго до двух часов ночи и поспешил по темным аркадам Ватикана в покои папы.

Молился на ходу: «Господи, ему еще столько нужно сделать, тогда как моя работа на Твоей службе завершена. Он любим, а я забыт всеми. Пощади его, Господи. Пощади. Возьми меня вместо него».

Он с трудом поднялся по мощеному склону к Пьяцца Санта-Марта. В мягкой мгле римского воздуха уже сквозила первая слабая осенняя прохлада. Накрапывал дождь. Позвонивший кардиналу префект Папского дома, судя по голосу, пребывал в панике, и Ломели предполагал увидеть ад крошечный. Однако на площади, против обыкновения, было вполне спокойно, если не считать кареты «скорой помощи», припаркованной на почтительном расстоянии. Ее силуэт выделялся на фоне освещенной южной стены собора Святого Петра. Лампы в салоне были включены, стеклоочистители ходили туда-сюда, и можно было даже различить лица водителя и его помощника. Водитель говорил по мобильному телефону, и Ломели в смятении подумал: они приехали не для того, чтобы забрать человека в больницу, они здесь – вывезти тело.

Стоявший у входа с зеркальной дверью в Каза Санта-Марта^[3] швейцарский гвардеец отдал честь, рука в белой перчатке взметнулась к шлему с красными перьями.

– Ваше высокопреосвященство.

Ломели указал ему на машину:

– Будьте добры, передайте водителю, чтобы воздержался от общения с прессой.

Внутри здания царилла какая-то строгая, стерильная атмосфера, будто в частной клинике. В беломраморном холле находилось с десятков растерянных священников – трое в ночных халатах, – словно прозвучал сигнал пожарной тревоги, а они не знали, как в этом случае следует действовать. Ломели помедлил на пороге, понял, что сжимает что-то в левой руке, посмотрел – оказалось, собственный красный пилеолус^[4]. Он не помнил, когда взял шапочку, теперь же разгладил ее и надел.

Прикоснувшись к волосам, ощутил, что они влажные. По пути к лифту наперерез ему поспешил епископ-африканец, но Ломели только кивнул в его сторону и не остановился.

Лифт пришлось ждать целую вечность. Можно было бы воспользоваться лестницей, но Ломели и без того запыхался. Он спиной чувствовал на себе взгляды. Ему бы сказать что-нибудь. Когда лифт наконец спустился, кардинал повернулся и поднял руку в благословении:

– Молитесь.

Нажал кнопку второго этажа – двери сомкнулись, и кабина пришла в движение.

«Если Ты желаешь призвать его к Себе и оставить меня, то дай мне силы стать камнем для других».

В зеркале под желтой лампой он увидел свое лицо – трупного цвета и рябое. Ему нужен был знак, какой-нибудь приток силы. Лифт резко остановился, но желудок как будто все еще продолжал подниматься – и Ломели для устойчивости ухватился за металлические перильца. Вспомнилось, как однажды, когда он ехал в этой кабине вместе с его святейшеством в самом начале его папства, на этаже вошли два пожилых кардинала. Они сразу же упали на колени, потрясенные тем, что оказались лицом к лицу с наместником Христа на земле, но папа только рассмеялся и сказал: «Не стоит волноваться, встаньте, я всего лишь старый грешник, ничуть не лучше вас...»

Ломели поднял подбородок. Его маска для публики.

Двери открылись. Плотная стена темных костюмов расступилась, пропуская его. Он услышал, как один агент безопасности прошептал себе в рукав:

– Здесь декан.

По диагонали площадки перед папскими покоем стояли, держась за руки и плача, три монахини из Конгрегации дочерей милосердия святого Викентия де Поля^[5]. Навстречу ему двинулся архиепископ Возняк, префект Папского дома, моложе Ломели. За очками в металлической оправе кардинал увидел распухшие от слез глаза.

Архиепископ беспомощно поднял руки:

– Ваше высокопреосвященство...

Ломели обхватил его лицо и почувствовал под ладонями щетину.

– Януш, он в вашем присутствии всегда был так счастлив.

Потом другой телохранитель (а может быть, кто-то из похоронной команды – и те и другие были одеты одинаково), точнее сказать, одна из фигур в черном открыла дверь в покои.

Маленькая гостиная и еще меньше спальня за ней были полны народа. Впоследствии Ломели составил список присутствовавших, в который вошло более десятка человек, не считая агентов безопасности: два доктора, два частных секретаря, архиепископ Мандорфф – обер-церемониймейстер папских литургических церемоний, не менее четырех священников из Апостольской палаты^[6], Возняк и, конечно, четыре старших кардинала Католической церкви: государственный секретарь Святого престола Альдо Беллини, камерленго^[7], или камерарий, Святого престола Джозеф Трамбле, великий пенитенциарий, или главный исповедник, Джошуа Адейеми, а также он сам, декан Коллегии кардиналов. Он-то в своем тщеславии воображал, что его вызвали первым, но теперь увидел, что последним.

Ломели последовал за Возняком в спальню папы – впервые. Прежде большая двойная дверь всегда была закрыта. Он увидел папскую кровать эпохи Ренессанса и распятие над ней, обращенное к гостиной. Кровать занимала почти все пространство – квадратная, из тяжелого полированного дуба, она была слишком велика для спальни. Только она здесь и свидетельствовала о величии. Подле нее склонились на коленях Беллини и Трамбле. Ломели пришлось переступить через их голени, чтобы подойти к подушкам, на которых покоилась чуть приподнятая голова папы. Тело под белым покрывалом, руки сложены на груди над простым железным наперсным крестом.

Он не привык видеть его святейшество без очков, которые теперь лежали на прикроватном столике рядом с ободранным дорожным будильником. Оправа оставила два красноватых пятнышка на переносице папы. Ломели по опыту знал, что лица у покойников часто обвислые и глуповатые. Но лицо перед ним выглядело живым, чуть ли не радостным, его словно прервали, не дав закончить предложение.

Ломели наклонился поцеловать папу в лоб и заметил слабый мазок белой зубной пасты в левом уголке рта, ощутил запах мяты и травяного шампуня, прошептал:

– Почему Он призвал вас, когда вы еще столько всего хотели сделать?

– Subvenite, Sancti Dei... – начал читать литургию Адейеми.

Тогда Ломели понял, что все ждали его. Он осторожно опустился на колени на отполированный паркет, сложил руки в молитве на краю покрывала и закрыл лицо ладонями.

– ...occurrere, Angeli Domini...

«Придите на помощь, святые Божии, встречайте его, ангелы небесные...»

Бас-профундо нигерийского кардинала гулким эхом разносился по крохотной комнате.

– ...Suscipientes animam eius. Offerentes eam in conspectu Altissimi...

«Примите душу его и явите пред Всевышним...»

Слова звучали в голове Ломели, но он не понимал их смысла. Это происходило все чаще и чаще. «Я взываю к Тебе, и Ты не внимаешь мне»^[8]. Какая-то духовная бессонница, что-то вроде звуковых помех, преследовала его в течение последнего года, не позволяя общаться со Святым Духом, что прежде давалось ему вполне естественно. И так же, как и со сном, чем больше Ломели жаждал осмысленной молитвы, тем труднее она давалась. Он сообщил о своем кризисе папе на их последней встрече – просил разрешения оставить Рим и обязанности декана, вступить в какой-нибудь монашеский орден. Ему исполнилось семьдесят пять – возраст отставки. Но его святейшество неожиданно проявил суровость: «Кого-то Господь выбирает пастырями, а другие необходимы для того, чтобы управлять фермой. Ваш долг – не пастырский. Вы не пастырь. Вы управляющий. Думаете, мне легко? Не волнуйтесь. Господь вернется к вам. Он всегда возвращается». Ломели был уязвлен («Управляющий – вот как он меня представляет?»), и расстались они с холодком. Виделись тогда в последний раз.

– Requiem aeternam dona ei, Domine: et lux perpetua luceat ei...

«Даруй ему, Господи, вечный покой, и пусть негасимый свет проливается на него...»

Литургия закончилась, но четыре кардинала застыли у смертного одра в безмолвной молитве. По прошествии пары минут Ломели приоткрыл глаза. В гостиной все стояли на коленях, склонив головы. Он снова прижал к лицу ладони.

Его печалила мысль о том, что их долгое сотрудничество закончилось на такой ноте. Попытался вспомнить, когда это произошло. Две недели назад? Нет, месяц, точнее, семнадцатого сентября, после

мессы в память появления стигматов у святого Франциска^[9] – самый длинный период без приватной аудиенции со времени избрания папы. Возможно, его святейшество уже предчувствовал близость смерти и понимал, что не успеет завершить свою миссию. Должно быть, этим и объяснялось нехарактерное для него раздражение?

В спальне стояла полная тишина. Ломели гадал, кто же первым прервет ее. Наверное, это будет Трамбле – франкоканадец всегда спешил, типичный североамериканец. Так оно и случилось: несколько мгновений спустя Трамбле вздохнул и произвел долгий, театральный, почти исступленный выдох.

– Он теперь с Господом, – сказал он и распростер руки.

Ломели подумал, что Трамбле собирается произнести благословение, но на самом деле этот жест был сигналом двум помощникам из Апостольской палаты – они вошли в комнату и помогли камерленго подняться. Один из них держал серебряную шкатулку.

– Архиепископ Возняк, – сказал Трамбле, когда все начали вставать, – будьте так добры, предоставьте мне кольцо его святейшества.

Ломели поднялся на ноги, суставы захрустели после семи десятилетий постоянных коленопреклонений. Он прижался к стене, чтобы пропустить префекта Папского дома. Снять кольцо с пальца папы оказалось непросто. Несчастный Возняк, потея от смущения, сколько ни старался, никак не мог перетащить его через костяшку. Но наконец это удалось, и он, вытянув руку, подал кольцо Трамбле на раскрытой ладони. Тот вынул из серебряной шкатулки ножницы – такими, подумал Ломели, обрезают увядшие розы – и ухватил лезвиями печатку. Нажал изо всех сил, на его лице от напряжения появилась гримаса. Раздался неожиданный щелчок, и металлический диск с изображением святого Петра, вытаскивающего рыбацкую сеть, рассекся пополам.

– *Sede vacante*, – объявил Трамбле. – Святой престол вакантен.

Ломели несколько минут смотрел на кровать, мысленно прощаясь, потом помог Трамбле накрыть лицо папы тонким белым покрывалом. Молящиеся, перешептываясь, разделились на группы.

Он вернулся в гостиную, не в силах понять, как папа выносил это год за годом – не просто жизнь в окружении вооруженной охраны, но

жизнь в этом месте. Пятьдесят безликих квадратных метров, обставленных по вкусу и доходам какого-нибудь коммивояжера среднего уровня. Ничего, что говорило бы о личности папы. Стены и шторы светло-желтого цвета. Паркетный пол, чтобы легче было содержать его в чистоте. Обычный обеденный стол, такой же письменный, к ним диван и два кресла с закругленными спинками, обитые синей, легко очищаемой тканью. Даже молельная скамеечка темного дерева была такой же, как и сотни других в этом доме гостиничного типа. Его святейшество жил здесь, еще будучи кардиналом, до избрания его папой и так отсюда и не выехал, лишь раз зашел в роскошные апартаменты, которые предназначались ему в Апостольском дворце с их библиотекой и приватной часовней; и этого одного раза оказалось достаточно, чтобы он бежал оттуда сломя голову. Его война со старой ватиканской гвардией началась именно здесь и по этому самому вопросу с первого дня его папства. Когда некоторые из членов курии высказали ему протест в связи с таким решением, не отвечавшим папскому величию, он процитировал им, словно школьникам, наставление Христа своим ученикам: «Ничего не берите на дорогу: ни посоха, ни сумы, ни хлеба, ни серебра, и не имейте по две одежды»^[10]. С того дня они, наделенные всеми человеческими слабостями, ощущали на себе его укоризненный взгляд каждый раз, когда направлялись в свои богатые официальные покои; и, будучи людьми со всеми человеческими слабостями, они негодовали, не принимая его укоризны.

Государственный секретарь Святого престола Беллини замер у письменного стола спиной к собравшимся. Срок его полномочий истек в тот момент, когда было сломано кольцо рыбака^[11], и его высокая аскетичная фигура, осанка которой всегда напоминала пирамидальный тополь, сегодня, казалось, переломилась вместе с кольцом.

– Мой дорогой Альдо, как это горько, – сказал Ломели.

Он увидел, что секретарь рассматривает дорожный комплект шахмат – святой отец неизменно носил его с собою в портфеле. Беллини длинным пальцем гладил маленькие белые и красные пластмассовые фигурки. Они затейливо расположились в центре доски, сойдясь в некоем замысловатом сражении, которое теперь уже никогда не разрешится победой.

– Как вы считаете, будет кто-нибудь возражать, если я возьму их себе на память? – рассеянно спросил Беллини.

– Уверен, что никто.

– Мы с ним довольно часто играли в конце дня. Он говорил, шахматы позволяют ему расслабиться.

– И кто выигрывал?

– Он. Всегда.

– Возьмите их, – настоятельно произнес Ломели. – Он любил вас, как никого другого. Он бы хотел, чтобы они были у вас. Возьмите.

– Полагаю, нужно дождаться разрешения. – Беллини огляделся. – Но похоже, наш усердный камерленго собирается опечатать покои.

Он кивнул в ту сторону, где Трамбле и его помощники-священники стояли вокруг кофейного столика, раскладывая все, что требовалось для опечатывания двери, – красные ленточки, воск, клейкую ленту.

Неожиданно глаза Беллини наполнились слезами. У него была репутация холодного, замкнутого и бесчувственного интеллектуала. Ломели ни разу не видел какого-либо проявления эмоций с его стороны. Эти слезы потрясли его.

Он прикоснулся пальцами к руке Беллини и сочувственно сказал:

– Вы не знаете, как это случилось?

– Говорят, инфаркт.

– А я-то считал, что у него сердце, как у быка.

– Откровенно говоря, не совсем так. Уже были сигналы.

Ломели удивленно моргнул:

– А я ничего не знал.

– Понимаете, он не хотел, чтобы об этом знали. Говорил, что, как только это станет известно, все начнут шептаться о его предстоящей отставке.

«Все». Беллини не нужно было расшифровывать это «все». Он имел в виду курию. Во второй раз за эту ночь Ломели почувствовал себя косвенно оскорбленным. Не поэтому ли он ничего не знал о давнем сердечном недомогании папы? Неужели его святейшество считал его не только управляющим, но и одним из «всех»?

– Я думаю, нам нужно очень тщательно подбирать слова, когда придется сообщать о его смерти прессе, – сказал Ломели. – Вы лучше меня знаете, что они собой представляют. Они захотят узнать его историю болезни, будут спрашивать, какие меры мы принимали. А если

выяснится, что мы замалчивали проблему и бездействовали, они захотят узнать почему.

Теперь, когда первоначальное потрясение стало проходить, он начал представлять себе, сколько насущных вопросов задаст мир, требуя на них ответы, да и сам он хотел знать эти ответы.

– Скажите, в момент смерти находился ли кто-нибудь с его святейшеством? Получил ли он отпущение грехов?

– Нет, – покачал головой Беллини, – боюсь, что, когда к нему вошли, он уже был мертв.

– А кто к нему вошел? Когда? – спросил Ломели и подозвал архиепископа Возняка: – Януш, знаю, вам это тяжело, но нам нужно приготовить подробное заявление. Кто нашел тело его святейшества?

– Я, ваше высокопреосвященство.

– Слава богу, это уже что-то.

Из всех членов Папского дома Возняк был ближе других к папе. То, что он первым оказался у тела, уже утешение. Кроме того, с точки зрения пиара лучше, что он, чем агент охраны или какая-нибудь монахиня.

– И что вы сделали?

– Вызвал врача его святейшества.

– Как быстро он появился?

– Сразу же, ваше высокопреосвященство. Он всегда ночевал в соседней комнате.

– И ничего сделать уже было нельзя?

– Ничего. У нас имелось все оборудование, необходимое для реанимации. Но было слишком поздно.

Ломели задумался.

– Вы обнаружили его в постели?

– Да. Выражение лица совершенно умиротворенное, почти как сейчас. Я подумал, он спит.

– И когда это случилось?

– Около половины двенадцатого, ваше высокопреосвященство.

– Около половины двенадцатого?

Значит, более двух с половиной часов назад. Удивление Ломели, вероятно, отразилось на его лице, потому что Возняк быстро сказал:

– Я бы позвонил вам раньше, но кардинал Трамбле взял бразды правления в свои руки.

Трамбле повернулся, услышав свое имя. Комната была такая маленькая, и стоял он в нескольких шагах от них, а через мгновение подошел. Несмотря на поздний час, выглядел он свежим и красивым, его густые седые волосы были аккуратно причесаны, тело в тонусе, движения легкие. Он напоминал бывшего спортсмена, который успешно перешел в телевизионные спортивные комментаторы. Ломели помнил, что в юности Трамбле играл в хоккей.

Канадский француз на своем аккуратном итальянском сказал:

– Извините, Якопо, если вас обидела задержка в оповещении... Я знаю, у его святейшества не было коллег ближе, чем вы и Альдо, но я в качестве камерленго почитал первейшей своей обязанностью обеспечить целостность Церкви. И я попросил Януша отложить ваше оповещение, чтобы у нас было немного спокойного времени установить все факты.

Он благочестиво, словно в молитве, сложил руки. Этот человек был невыносим.

– Мой дорогой Джо, – сказал Ломели, – меня заботит только душа его святейшества и благополучие Церкви. Во сколько сообщают мне о чем-то важном, в полночь или в два часа ночи, ни в коей мере не беспокоит меня. Я уверен, вы действовали наилучшим образом.

– Просто при неожиданной смерти папы любые ошибки, совершенные в состоянии потрясения и смятения, могут затем привести к самым разнообразным зловредным слухам. Достаточно только вспомнить трагедию папы Иоанна Павла Первого – впоследствии нам сорок лет пришлось убеждать мир, что папа не был убит, а все по одной причине: никто не хотел признавать, что его тело обнаружила монахиня. На сей раз в официальных отчетах не должно быть никаких расхождений.

Он вытащил из-под сутаны сложенный лист и протянул его Ломели. Бумага была теплой на ощупь. (Только что испекли, подумал Ломели.) Текст был аккуратно отпечатан на принтере и озаглавлен по-английски: «Хроника». Ломели пробежал пальцем по колонкам. В 19:30 его святейшество поел вместе с Возняком в специально отведенном для него месте, огороженном в столовой Каза Санта-Марта. В 20:30 удалился в свои покои, где читал и размышлял над одним из пассажей трактата «О подражании Христу»^[12] (глава 8 «Об уклонении от близкого обхождения»). В 21:30 лег в постель. В 23:30 архиепископ

Возняк зашел проверить, все ли в порядке, и обнаружил, что папа мертв. В 23:34 доктор Джулио Балдинотти, прикомандированный из ватиканской больницы Святого Рафаэля в Милане, немедленно приступил к реанимационным мероприятиям. Сочетание массажа сердца и дефибрилляции не принесло результатов. В 0:12 его святейшество был признан умершим.

Кардинал Адейеми подошел к Ломели сзади и стал читать через его плечо. От нигерийца всегда сильно пахло одеколоном. Ломели чувствовал его теплое дыхание на своей шее. Близость Адейеми была для него невыносима, он отдал ему документ и отвернулся, но Трамбле тут же сунул ему в руки новые бумаги.

– Что это?

– Последние медицинские показатели его святейшества. Мне их принесли. Это ангиограмма, которую делали в прошлом месяце. Вы видите здесь, – сказал Трамбле, поднимая снимок к свету, – свидетельство закупорки сосудов...

Черно-белое изображение с завитками и усиками имело зловещий вид. Ломели отшатнулся. Да какой во всем этом смысл? Папе шел девятый десяток. В его смерти не было ничего подозрительного. Сколько еще он мог прожить? Сейчас они должны думать о его душе, а не об артериях.

– Опубликуйте эти сведения, если считаете нужным, только без фотографий, – твердо заявил он. – Это было бы вторжением в личную жизнь. Принизило бы его.

– Согласен, – кивнул Беллини.

– Полагаю, – добавил Ломели, – вы теперь скажете, что необходимо провести вскрытие?

– Если мы этого не сделаем, непременно поползут слухи.

– Да, верно, – добавил Беллини. – Когда-то Господь объяснил все тайны. Теперь его место захвачено теоретиками от конспирологии. Это просто еретики современности.

Адейеми закончил чтение хроники, снял очки в золотой оправе, сунул кончик дужки в рот и спросил:

– А что его святейшество делал до половины восьмого?

На этот вопрос ответил Возняк:

– Он служил вечерню, ваше высокопреосвященство. Здесь, в Каза Санта-Марта.

– Тогда мы так и должны сказать. Это было его последнее богослужение, и оно подразумевает состояние благодати, это в особенности важно еще и потому, что возможности для соборования не было.

– Хорошее соображение, – сказал Трамбле. – Я добавлю этот пункт.

– А еще раньше – до вечерни? – гнул свое Адейеми. – Что он делал?

– Насколько я понимаю, у него были рутинные встречи, – настороженно ответил Трамбле. – Все факты мне неизвестны. Я сосредоточился на часах непосредственно перед смертью.

– Кто имел с ним последнюю запланированную встречу?

– Вероятно, это был я, – сказал Трамбле. – Я видел его в четыре. Так, Януш? Я был последним?

– Да, ваше высокопреосвященство.

– И как он выглядел, когда вы с ним говорили? Какие-нибудь признаки недомогания вы заметили?

– Нет, ничего такого я не помню.

– А позднее, когда он обедал с вами, архиепископ?

Возняк посмотрел на Трамбле, словно испрашивая разрешения, перед тем как ответить.

– Он выглядел усталым. Очень, очень усталым. Аппетита у него не было. Говорил сиплым голосом. Я должен был догадаться... – Он замолчал.

– Вам не в чем себя упрекать, – сказал ему Адейеми.

Он вернул документ Трамбле и надел очки. В его движениях была расчетливая театральность. Он всегда помнил о своем высоком сане. Истинный князь Церкви.

– Соберите сведения обо всех встречах, которые он проводил в этот день, – приказал Адейеми. – Это покажет, насколько он не щадил себя. Вплоть до последнего дня. Докажет, что ни у кого не было оснований подозревать о его болезни.

– Но с другой стороны, – предостерег Трамбле, – если мы опубликуем его полное расписание, то могут сказать, что мы нагружали больного человека непосильными для него трудами.

– Папство и есть непосильный труд. Людям нужно напомнить об этом.

Трамбле нахмурился и промолчал. Беллини посмотрел в пол. Возникло легкое, но осязаемое напряжение, и Ломели даже не сразу понял его причину. Напоминание о том, что папство – тяжкое бремя, явно подразумевало, что лучше всего на это место избрать кого-нибудь помоложе, и Адейеми, которому не так давно исполнилось шестьдесят, был почти на десятилетие моложе этих двоих.

Наконец Ломели сказал:

– Позвольте мне предложить следующее: мы включаем в хронику богослужение его святейшества во время вечерни, но в остальном оставляем документ в нынешнем виде. Но на всякий случай, по моему мнению, мы должны приготовить второй документ, в котором будут названы все встречи его святейшества в этот день, – и держать его в запасе на тот случай, если понадобится.

Адейеми и Трамбле коротко переглянулись и кивнули, а Беллини холодно сказал:

– Слава богу, что у нас такой декан. Я предвижу, что нам в ближайшие дни могут понадобиться его дипломатические таланты.

Позднее, когда началось соревнование за преемство, Ломели нередко вспоминал этот эпизод.

Было известно, что у всех трех кардиналов есть сторонники среди коллегии выборщиков: Беллини, великая интеллектуальная надежда либералов, сколько его помнил Ломели, бывший ректор Папского Григорианского университета и бывший архиепископ Милана; Трамбле, который не только был камерленго, но еще и исполнял должность префекта Конгрегации евангелизации народов, а потому и кандидат со связями в третьем мире, у которого было преимущество: он мог выставлять себя американцем, но при этом у него отсутствовал этот недостаток – американцем он не был; наконец, Адейеми, который носил в себе, словно Божью искру, возможность революции, постоянно очаровывая прессу намеками на то, что в один прекрасный день он может стать «первым черным папой».

И постепенно, наблюдая за начинающимися в Каза Санта-Марта маневрами, Ломели стал понимать, что ему как декану Коллегии кардиналов предстоит управлять выборами. Он никогда не ждал, что ему выпадет такая обязанность. Несколько лет назад ему поставили диагноз «рак простаты», и хотя болезнь, предположительно, вылечили,

он всегда думал, что умрет раньше папы. Неизменно считал себя временной фигурой. Пытался подать в отставку. Но теперь оказалось, что на него ляжет обязанность созыва конклава в самых напряженных обстоятельствах.

Он закрыл глаза.

«Если Твоя воля, Господи, состоит в том, чтобы я исполнил эту обязанность, то я прошу Тебя дать мне мудрость провести конклав так, чтобы это усилило нашу Матерь Церковь...»

Ему следует быть беспристрастным – это первое и самое главное.

Он открыл глаза и спросил:

– Кто-нибудь звонил кардиналу Тедеско?

– Нет, – ответил Трамбле. – С какой стати Тедеско? Зачем? Думаете, в этом есть необходимость?

– Ну, с учетом его положения в Церкви, это было бы проявлением вежливости...

– Вежливости? – воскликнул Беллини. – Что он сделал такого, чтобы заслужить вежливость? Если о ком-то и можно сказать, что он убил его святейшество, то это о нем!

Ломели сочувствовал его боли. Из всех критиков покойного папы Тедеско был самым непримиримым, его нападки на папу и Беллини были такими яростными, что некоторые считали его поведение расколом. Даже ходили разговоры о его отлучении. Но у него было немало преданных последователей среди традиционалистов, что делало его весьма вероятным кандидатом в преемники папы.

– Тем не менее я должен позвонить ему, – сказал Ломели. – Лучше, если он узнает о случившемся от нас, а не от какого-нибудь репортера. Один Господь знает, чего он способен наговорить экспромтом.

Он поднял трубку телефона и набрал номер. Оператор дрожащим от эмоций голосом спросила, чем может служить.

– Пожалуйста, соедините меня с Патриаршим дворцом в Венеции – по приватной линии кардинала Тедеско.

Он предполагал, что ответа не будет (шел четвертый час ночи), но трубку сняли уже на первом гудке.

– Тедеско, – произнес хриплый голос.

Кардиналы негромко обсуждали расписание похорон. Ломели поднял руку, призывая к тишине, и повернулся ко всем спиной, чтобы сосредоточиться на разговоре.

– Гоффредо? Говорит Ломели. К сожалению, у меня для вас ужасная новость. Его святейшество покинул сей мир.

Последовало долгое молчание. Ломели слышал какие-то звуки на заднем плане. Шаги? Хлопок двери?

– Патриарх? – обратился он. – Вы слышали, что я сказал?

Слова Тедеско прозвучали глухо в его просторном кабинете.

– Спасибо, Ломели. Я буду молиться за его душу.

Раздался щелчок. На линии повисла тишина.

– Гоффредо?

Ломели вытянул руку, нахмурился, глядя на трубку.

– И что? – спросил Трамбле.

– Он уже знал.

– Вы уверены?

Трамбле из-под сутаны вытащил то, что было похоже на молитвенник в черном кожаном переплете, но оказалось мобильным телефоном.

– Конечно он знал, – сказал Беллини. – Здесь полно его сторонников. Он, возможно, узнал раньше нас. Если мы не проявим осторожности, он сам сделает официальное заявление на площади Святого Марка.

– Кажется, у него кто-то был...

Трамбле быстро листал большим пальцем страницы на смартфоне.

– Вполне возможно. Слухи о смерти папы уже просачиваются в социальные сети. Нам нужно действовать быстро. Позвольте внести предложение?

В этот момент в воздухе во второй раз за ночь повисло несогласие: Трамбле хотел отвезти тело папы в морг немедленно, не откладывая до утра («Мы не можем позволить себе плестись в хвосте новостей – это будет катастрофой»). Он предлагал сейчас же выступить с официальным заявлением и пригласить две новостные команды из Ватиканского телевизионного центра плюс трех фотографов и какого-нибудь газетного репортера и позволить им провести съемку переноса тела папы из здания в карету «скорой». Аргументировал это тем, что в случае их оперативных действий новости сразу появятся на экране и никто не сможет заподозрить Церковь в сокрытии чего бы то ни было. В крупных азиатских центрах католической веры уже наступило утро, в

Латинской и Северной Америке еще вечер. И только африканцы с европейцами узнают печальную новость после пробуждения.

И опять Адейеми возразил. Ради достоинства Церкви, сказал он, они должны дождаться утра, прибытия катафалка и надлежащего гроба, который можно будет вынести под папским флагом.

Беллини резко парировал:

– Его святейшеству плевать было на все это достоинство. Он предпочитал жить как смиреннейший человек, и он бы предпочел видеть себя на смертном одре как одного из смиреннейших бедняков.

Ломели был того же мнения:

– Не забывайте: этот человек отказывался ездить в лимузинах. Карета «скорой помощи» – это ближайший аналог общественного транспорта, какой мы можем ему предоставить.

Но Адейеми никак не соглашался. В конечном счете большинством, три против одного, было принято предложение Беллини. Также было решено подвергнуть тело папы бальзамированию.

– Только мы должны обеспечить, чтобы это делалось надлежащим образом, – сказал Ломели.

Он навсегда запомнил проход мимо гроба с телом папы Павла VI в соборе Святого Петра в тысяча девятьсот семьдесят восьмом году. Стояла августовская жара, и лицо покойного приняло серо-зеленоватый оттенок, челюсть отвисла, и над трупом стоял осязаемый запах разложения. Но даже тот возмутительный конфуз не шел ни в какое сравнение с тем, что случилось за двадцать лет до этого, когда тело папы Пия XII забродило в гробу и взорвалось, как петарда, близ собора Иоанна Крестителя на Латеранском холме.

– И еще одно, – добавил Ломели. – Мы должны не допустить, чтобы кто-то фотографировал тело.

Это унижение претерпело и тело папы Пия XII, фотографии которого появились в журналах по всему миру.

Трамбле отправился в пресс-офис Святого престола. Менее чем через тридцать минут санитары – телефоны у них были изъяты – вывезли тело его святейщества из папских апартаментов в белом пластиковом пакете на каталке. Они остановились на втором этаже, а четыре кардинала тем временем спустились в лифте, чтобы встретить тело в холле и проводить из здания. Убогость тела в смерти, его миниатюрность, закругленные формы, напоминающие формы головы и

ног как у плода в чреве, как показалось Ломели, говорили сами за себя. «Он, купив плащаницу и сняв Его, обвинил плащаницею и положил Его во гробе...»^[13]

«Дети Сына Человеческого равны в смерти, – подумал Ломели. – Все, надеясь на воскрешение, зависят от милосердия Господня».

В холле и на нижнем лестничном пролете стояли священники всех чинов. Самое сильное впечатление на Ломели произвела царившая здесь полная тишина. Когда двери лифта открылись и тело выкатили из кабины, единственными звуками, к его огорчению, были щелчки фотоаппаратов и жужжание камер, да еще редкие всхлипы.

Впереди каталки шли Трамбле и Адейеми. Ломели и Беллини – сзади, а за ними – прелаты Апостольской палаты. Они вышли в октябрьскую прохладу. Дождик прекратился. Теперь даже несколько звезд можно было увидеть на небе. Пройдя между двумя швейцарскими гвардейцами, все направились в многоцветный кристалл: мигающие огни «скорой помощи» и полицейского сопровождения испускали подобие солнечных лучей синего цвета, освещавших влажную площадь, белые вспышки фотографов создавали стробоскопический эффект, все это поглощал желтый свет прожекторов телевизионщиков, а за площадью из тени возникала гигантская подсвеченная громада собора Святого Петра.

Когда они подошли к карете «скорой», Ломели попытался представить себе Католическую церковь в этот момент – миллиард с четвертью душ: толпы бедняков собрались у телеэкранов в Маниле и Сан-Паулу, рои пригорожан Токио и Шанхая уставились в свои смартфоны, спортивные болельщики в барах Бостона и Нью-Йорка – трансляция их спортивных состязаний прервана...

«Итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа...»^[14]

Тело головой вперед подали в машину через заднюю дверь, которую потом захлопнули. Четыре кардинала застыли в скорбной неподвижности, глядя на отъезжающий кортеж: два мотоцикла, полицейская машина, потом «скорая», за ней другая полицейская машина и, наконец, еще мотоциклисты. Они проехали по площади, потом свернули и исчезли из виду. И сразу же включили сирены.

«Хватит кротости, – подумал Ломели. – Хватит униженных земли»^[15]. Его мог бы сопровождать кортеж из тех, что сопровождают

диктаторов».

Завывания сирен смолкли в ночи.

Репортеры и фотографы за огороженной лентой территорией принялись окликать кардиналов – так посетители зоопарка пытаются подзвать животных подойти поближе.

– Ваше высокопреосвященство! Ваше высокопреосвященство! Будьте добры!

– Кто-нибудь из нас должен что-то сказать, – предложил Трамбле и, не дожидаясь ответа, двинулся по площади.

Освещение, казалось, придавало его силуэту огненный ореол. Адейеми несколько секунд удавалось сдерживать себя, а потом он припустил следом.

– Ну и цирк! – сказал вполголоса Беллини, не скрывая презрения.

– Вам не следовало бы присоединиться к ним? – спросил Ломели.

– Упаси бог! Я не собираюсь распинаться перед толпой. Я, пожалуй, предпочту отправиться в часовню и помолиться.

Он печально улыбнулся и погремел чем-то в руке – Ломели увидел, что он держит дорожные шахматы папы.

– Идемте, – позвал Беллини. – Присоединяйтесь. Отслужим вместе мессу по нашему другу.

Они двинулись к Каза Санта-Марта, и Беллини взял Ломели под руку.

– Его святейшество говорил мне о ваших трудностях с молитвой, – прошептал он. – Может быть, мне удастся вам помочь. Вы знаете, что и сам он к концу начал испытывать сомнения?

– Папа начал сомневаться в Боге?

– Не в Боге! В Боге – никогда! – И тут Беллини сказал слова, которые Ломели запомнил на всю жизнь: – Он потерял веру в Церковь.

2. Каза Санта-Марта

Вопрос созыва конклава возник чуть менее трех недель спустя.

Его святейшество умер на следующий день после праздника святого Луки Евангелиста, то есть девятнадцатого октября. Остаток октября и начало ноября были заняты похоронами и чуть ли не ежедневными совещаниями Коллегии кардиналов, которые прибывали со всех уголков мира для избрания преемника усопшему. Состоялись частные встречи, на которых обсуждалось будущее Церкви. К облегчению Ломели (хотя время от времени и всплывали разногласия между прогрессистами и традиционалистами), эти встречи проходили без жарких споров.

И теперь в праздничный день святого мученика Геркулана – воскресенье, седьмого ноября – он стоял на пороге Сикстинской капеллы вместе с секретарем Коллегии кардиналов монсеньором Рэймондом О’Мэлли и обер-церемониймейстером папских литургических церемоний архиепископом Вильгельмом Мандорффом. Кардиналы-выборщики должны были быть заперты в Ватикане этим вечером. Голосование предполагалось провести на следующий день.

Это происходило вскоре после второго завтрака, и три прелата стояли за металлической решеткой на мраморном возвышении, отделявшей главную часть Сикстинской капеллы от малого нефа, и обзревали открывавшийся им вид. Временный деревянный пол был почти готов. К нему сейчас приколачивали бежевый ковер. Внутрь заносили телевизионные осветительные приборы, стулья, привинчивали друг к другу письменные столы. Не было места, куда можно было бы посмотреть и не увидеть движения. Бурная активность на потолке, расписанном Микеланджело (вся эта полуобнаженная розово-серая плоть, вытягивающаяся, жестикулирующая, сгибающаяся, несущая), теперь, как казалось Ломели, нашла неуклюжее отражение в своих земных копиях. В дальнем конце капеллы на гигантской фреске «Страшный суд» Микеланджело люди плыли на фоне лазурного неба вокруг Небесного трона под аккомпанемент молотков, электродрелей и циркулярных пил.

– Ну что, ваше высокопреосвященство, – произнес со своим ирландским акцентом секретарь коллегии О’Мэлли, – я бы сказал, что

перед нами довольно правдоподобное видение ада.

– Не богохульствуйте, Рэй, – ответил Ломели. – Ад начнется завтра, когда мы впустим сюда кардиналов.

Смех архиепископа Мандорффа прозвучал слишком громко.

– Великолепно, ваше высокопреосвященство! Превосходно!

– Он думает, что я шучу, – сказал Ломели, обращаясь к О’Мэлли.

Рэймонду О’Мэлли, державшему в руках клипборд с закрепленными листами бумаги, шел пятый десяток. Высокий, уже обросший жирком, с грубоватым красным лицом человека, который всю жизнь проводил под открытым небом (возможно, охотился с гончими, хотя ничего такого он в жизни не делал): цвет лица достался ему в наследство, как и многим жителям Килдэра^[16], а еще от любви к виски. Мандорфф, выходец из Рейнской области, был старше. В свои шестьдесят он оставался статным, его круглая лысая голова напоминала яйцо. Он сделал себе имя в Католическом университете Айхштетта-Ингольштадта, где писал труды о природе и теологическом обосновании безбрачия священников.

По обеим сторонам капеллы вдоль длинного прохода были выставлены простые голые столы, образующие четыре ряда. Только на столе, ближайшем к решетке, лежала материя – его подготовили к осмотру Ломели. Декан вошел в капеллу, провел рукой по двойному слою ткани: мягкое алое сукно, ниспадающее до пола, и более плотный, гладкий материал – бежевый, под цвет ковра, – на столешнице и ее краях создавали достаточно твердую поверхность, чтобы на ней можно было писать. На столе лежали Библия, молитвенник, карточка с именем, авторучки и карандаши, небольшой бюллетень для голосования и длинный список из ста семнадцати кардиналов, имеющих право голоса.

Ломели взял карточку. XALXO SAVERIO. Кто такой? Он почувствовал приступ паники. После похорон папы декан старался познакомиться со всеми кардиналами и запомнить некоторые личные детали. Но перед ним прошло столько лиц (покойный папа роздал более шестидесяти кардинальских красных шапочек; только за последний год – пятнадцать), что эта задача оказалась ему не по силам.

– Как это вообще произносится? Салсо?

– Халко, ваше высокопреосвященство, – сказал Мандорфф. – Он из Индии.

– Халко. Я вам признателен, Вилли. Спасибо.

Ломели сел, чтобы испытать стул. Наличие подушки ему понравилось. И достаточно места, чтобы вытянуть ноги. Он откинулся на спинку. Да, вполне удобно. С учетом того времени, которое им придется провести здесь взаперти, удобство было необходимостью. За завтраком он читал итальянскую прессу; теперь до окончания выборов чтение газет было ему запрещено. Специалисты по Ватикану единогласно предсказывали длительный и бурный конклав. Он молился, чтобы они ошиблись, чтобы Святой Дух вошел в Сикстинскую капеллу пораньше и назвал им имя. Но если тот не материализуется (во время предыдущих четырнадцати собраний определенно никаким Святым Духом и не пахло), то они, возможно, проведут здесь не одну неделю.

Ломели обозрел капеллу – всю ее длину. Странно, как изменялась перспектива, если ты сидел на метровой высоте над мозаичным полом. В пространстве под их ногами специалисты по безопасности установили глушащие устройства, чтобы исключить электронное подслушивание. Однако конкурирующая фирма консультантов настаивала на том, что такие меры предосторожности недостаточны. Они заявляли, что лазерные лучи, нацеленные на окна в верхней части капеллы, могут улавливать вибрации. Рекомендовали заделать все окна досками. Ломели наложил на это запрет. Отсутствие дневного света и клаустрофобия были бы невыносимы.

Он вежливо отверг предложение о помощи Мандорффа, поднялся со стула и двинулся вглубь капеллы. Недавно положенный ковер издавал сладковатый запах, как ячмень в молотильне. Рабочие расступились, пропуская Ломели; следом за ним шли секретарь коллегии и обер-церемониймейстер папских литургических церемоний. Он все еще никак не мог поверить, что это уже происходит и лежит на его плечах. Все было как во сне.

– Знаете, – сказал декан, возвышая голос, чтобы его было слышно за шумом электродрелей, – когда я был мальчишкой, в пятьдесят восьмом году – я тогда учился в семинарии в Генуе, – а потом в другой раз в шестьдесят третьем, еще даже до моего посвящения, я любил разглядывать рисунки конклавов. Тогда во всех газетах печатали рисунки художников. Я помню кардиналов на тронах под балдахинами, они во время голосования сидели вдоль стен. А когда голосование

заканчивалось, они по очереди нажимали на специальный рычаг, и балдахины последовательно падали, оставался только один – над тронном избранного кардинала. Вы можете себе такое представить? Старый кардинал Ронкалли, который и не мечтал о кардинальской шапке, я уж не говорю о папстве. А Монтини, которого старая гвардия так ненавидела, что во время голосования в Сикстинской капелле гул стоял почище, чем на футбольном стадионе? Представьте, вот они сидели на своих тронах, и люди, которые только что были им равней, выстраивались в очередь, чтобы склонить перед ними головы!

Он чувствовал, что О’Мэлли и Мандорфф вежливо слушают, – и безмолвно отругал себя. Стал говорить, как старик! Тем не менее воспоминания взволновали его. От тронов отказались в тысяча девятьсот шестьдесят пятом году после Второго Ватиканского собора, который отверг и многие другие старые традиции Церкви. Теперь возникло понимание, что Коллегия кардиналов слишком велика и многонациональна для подобного ренессансного вздора. И все же какая-то часть Ломели тосковала по ренессансному вздору, и он про себя думал иногда, что покойный папа заходит слишком далеко, бесконечно настаивая на простоте и смирении. Избыточность простоты в конечном счете была иной формой показушничества, а гордиться смирением – такой же грех.

Он перешагнул через электрические провода и остановился под «Страшным судом», уперев руки в бока. Созерцал разорение. Стружка, опилки, ящики, картонки, куски подстилки. Частицы древесины и ворса водили хороводы в столбах света. Стук молотков. Вой пил. Сверление. Ужас вдруг охватил его.

Хаос. Нечестивый хаос. Словно на стройке. Но это же Сикстинская капелла!

На сей раз ему пришлось кричать, чтобы его голос услышали за шумом:

– Надеюсь, мы закончим вовремя?!

– Если понадобится, будут работать и ночью, – сказал О’Мэлли. – Все будет в порядке, ваше высокопреосвященство, как и всегда. – Он пожал плечами. – Ну, вы же понимаете – Италия.

– О да, и в самом деле – Италия.

Ломели сошел с алтаря. Слева находилась дверь, а за ней небольшая ризница, известная под названием «Комната слез». Туда

немедленно после избрания направлялся новый папа, и здесь его облачали в подобающие одеяния. Это было забавное маленькое помещение с низким сводчатым потолком и простыми белеными стенами, напоминающее узилище. Ризница была заставлена мебелью: стол, три стула, кушетка и трон, который будет вынесен в капеллу для нового понтифика, чтобы кардиналы-выборщики могли выразить ему свое почтение. В центре находился металлический стержень, на котором висели три белые папские сутаны, завернутые в целлофан: малая, средняя и большая, а также три рочетто и три моццетты^[17]. В дюжине коробок лежала папская обувь разных размеров. Ломели взял пару. Внутри была набита папиросная бумага. Он покрутил туфли в руке: без шнуровки, изготовлены из простого красного сафьяна. Поднес их к носу, понюхал.

– Готовишься к любым неожиданностям, но предугадать все невозможно. Вот, скажем, папа Иоанн Двадцать третий был такой крупный, что ни одна сутана ему не подошла, поэтому пришлось застегнуть спереди пуговицы и распустить шов сзади. Сутану надели на него, как халат на хирурга, а потом папский портной зашил ее сзади.

Он положил туфли в коробку и перекрестился:

– Да благословит Господь того, кто будет призван их носить.

Трое священников покинули ризницу и направились назад тем же путем, которым пришли, – по проходу, уланному ковром, через проем в решетке, потом по деревянному пандусу в малый неф. Там в углу стояли бок о бок казавшиеся неуместными здесь две серые металлические печки. Обе были высотой около метра, одна квадратная, другая круглая, обе оснащены медными дымоходами. Их трубы соединялись, образуя единый дымоход. Ломели с сомнением осмотрел эту конструкцию. Выглядела она довольно неустойчиво. Поднималась почти на двадцать метров, удерживалась специальными лесами и выходила в отверстие, сделанное в окне. В круглой печи после каждого голосования должны будут сжигать бюллетени, чтобы обеспечить секретность, а в квадратной – дымовые шашки. Черный дым от одних шашек указывает, что по результатам голосования папа не избран, а белый дым от других извещает об избрании нового папы.

Вся эта система была архаичной, нелепой и до странности замечательной.

– Печи уже опробовали? – спросил Ломели.

– Да, ваше высокопреосвященство. Несколько раз, – терпеливо ответил О’Мэлли.

– Конечно, я знаю вашу дотошность. – Он прикоснулся к руке ирландца. – Извините, что морочу вам голову.

Они прошли по мраморному простору Царской залы, потом вниз по лестнице и на мощеную парковку Кортиле дель Маресциалло. Там стояли большие, на колесах, баки, переполненные мусором.

– Надеюсь, завтра их увезут? – сказал Ломели.

– Да, ваше высокопреосвященство.

Втроем они прошли под арку в следующий двор, потом в другой, потом в еще один – по лабиринту тайных клуатров справа от Сикстинской капеллы. Сооружения возле нее из кирпича унылого мышиного цвета неизменно разочаровывали декана. Почему внутри капеллы человеческий гений проявил себя в полной мере, чуть ли, по мнению Ломели, не избыточной (у него от этого наступало нечто вроде эстетического несварения), но постройкам, окружающим капеллу, не уделили должного внимания? Они напоминали складские помещения. Или фабрики. А может быть, это делалось намеренно? «В Котором сокрыты все сокровища премудрости и ведения»^[18].

Его мысли прервал О’Мэлли, шедший рядом.

– Кстати, ваше высокопреосвященство, с вами хочет поговорить архиепископ Возняк.

– Думаю, это невозможно. Кардиналы начнут прибывать через час. А как по-вашему?

– Я ему сообщил об этом, но мне показалось, что он очень взволнован.

– О чем он хочет поговорить?

– Мне он не пожелал сказать.

– Но это же просто смешно! – Ломели взывал к Мандорффу, прося его поддержки. – Каза Санта-Марта будет опечатана в шесть. Ему следовало обратиться ко мне раньше. У меня много дел, которые я должен завершить до этого времени. С его стороны это как минимум беспечность.

– Я ему передам, – сказал О’Мэлли.

Они пошли дальше, мимо салютующих швейцарских гвардейцев в их будках, оказались на дороге. Но не успели пройти и десятка шагов, как угрызения совести стали для Ломели невыносимы. Нет, он был

слишком резок. Это говорил не он – его тщеславие. Он надулся от ощущения собственной важности. Хорошо бы ему не забывать, что через несколько дней конклав завершится, и тогда он, Ломели, никому уже не будет интересен. Никто уже не будет делать вид, что слушает его истории о балдахинах и толстых папах. И тогда он в полной мере поймет, что значит быть Возняком, который потерял не только своего любимого понтифика, но и свое положение, дом и перспективы – и все в одно мгновение.

«Прости меня, Господи».

– Вообще-то говоря, с моей стороны это несправедливо, – признался он. – Бедняга, вероятно, волнуется о своем будущем. Скажите ему, что я буду в Каза Санта-Марта встречать прибывающих кардиналов. А потом постараюсь уделить ему несколько минут.

– Хорошо, ваше высокопреосвященство, – кивнул О’Мэлли, делая запись в бумагах на клипборде.

До того как завершилось строительство Каза Санта-Марта, более чем двадцатью годами ранее, кардиналы-выборщики на время конклава размещались в Апостольском дворце. Влиятельный архиепископ Генуи кардинал Сири, ветеран четырех конклавов и человек, который посвятил Ломели в духовный сан в шестидесяти годах, сетовал, что это все равно как быть похороненным заживо. В средневековые комнатенки заталкивали кровати, в таких же комнатенках размещались приемные с занавесками, имитирующими приватность. Для умывания каждому кардиналу полагался кувшин с водой и таз, а в качестве «удобств» – стул с отверстием и ведром. И только папа Иоанн Павел II решил, что такое убожество в конце двадцатого века более невыносимо. Он распорядился построить Каза Санта-Марта в юго-западном углу Ватикана, что обошлось Святому престолу в двадцать миллионов долларов.

Гостиница напоминала Ломели советские жилые дома – шестиэтажный прямоугольник серого цвета, положенный на бок. Комплекс состоял из двух соединенных короткой центральной перемышкой блоков, каждый по четырнадцать окон в ширину. В снятой с самолета фотографии, опубликованной в прессе этим утром, здание выглядело как вытянутая буква Н, северная часть которой, блок А, выходила на Пьяцца Санта-Марта, а южная, блок Б, – на стену,

отделяющую Ватикан от Рима. В Каза имелось сто двадцать восемь апартаментов с персональными туалетами и ванными комнатами, хозяйничали здесь монахини в синих мантиях Конгрегации дочерей милосердия святого Викентия де Поля. В промежутках между выборами папы (то есть бóльшую часть времени) здание использовалось как гостиница для приезжающих прелатов и полупостоянное общежитие для некоторых священников, работающих в администрации курии. Последний из этих обитателей освободил свое жилье рано утром и переехал в помещение в полукилометре от Ватикана – Domus Romana Sacerdotalis^[19] на Виа делла Траспонтинна. После посещения Сикстинской капеллы Каза Санта-Марта показалась декану жалкой и заброшенной. Ломели прошел через пропускное устройство, установленное в холле, и взял свой ключ у сестры за стойкой портье.

Комнаты распределили на предыдущей неделе по жребию. Ломели досталась на втором этаже блока А. Чтобы добраться до нее, нужно было пройти мимо апартаментов покойного папы. Они были опечатаны по законам Святого престола с утра после его смерти, а Ломели, чей грешный отдых состоял в чтении детективов, покои папы казались сценой преступления, о которых он часто читал, и тревожили его. Красные ленточки, висевшие крест-накрест на двери от косяка до косяка на манер «колыбели для кошки», кардинал-камерленго зафиксировал восковой печатью с гербом. Перед дверью стояла большая ваза со свежими белыми лилиями, источавшими тошнотворный запах. По обе стороны помаргивали в осеннем мраке две дюжины церковных свечей в красных стеклянных канделябрах. Площадка, на которой когда-то толпилось столько людей и которая была центром управления Церковью, теперь пустовала. Ломели опустился на колени и вытащил четки. Попытался молиться, но мысли все время возвращались к последнему разговору с его святейшеством.

«Вы знали о моих трудностях, – обратился он к закрытой двери, – но отказали мне в отставке. Хорошо. Я понимаю. У вас были основания для этого. Но дайте мне теперь, по крайней мере, силы и мудрость пройти через это испытание».

Он услышал, как за спиной остановилась кабина лифта, и бросил взгляд через плечо. Никого не увидел. Дверь закрылась, лифт поехал дальше наверх. Ломели убрал в карман четки и поднялся на ноги.

Его комната находилась справа на полпути до конца коридора. Он отпер дверь, толкнул ее в темноту, нащупал на стене выключатель, щелкнул им – загорелся свет. С удивлением Ломели обнаружил, что гостиной здесь нет, – только спальня, стены простые, белые, полированный паркетный пол и металлическая кровать. Но потом он подумал, что это и к лучшему. Во дворце Конгрегации доктрины веры у него были апартаменты площадью четыреста квадратных метров, там хватало места для рояля. А такое жилье напомнит ему о простой жизни.

Он открыл окно, попробовал распахнуть и ставни, забыв, что они заколочены, как и все остальные в этом доме. Все телевизоры и радиоприемники были вынесены. Кардиналы, как предполагалось, должны быть полностью удалены от мира до конца выборов, чтобы никто не мог подвергнуться влиянию новостей. Ломели подумал, какой бы вид ему открылся, если бы не ставни. Собор Святого Петра или город? Он уже потерял ориентацию.

Проверив кладовку, он удовлетворенно отметил, что расторопный капеллан отец Дзанетти уже принес сюда из апартаментов его чемодан и даже распаковал. Священнические одеяния висели на вешалке. Красная биретта^[20] лежала на верхней полке, белье – в ящике. Он счел число носков и улыбнулся. Хватит на неделю. Дзанетти был пессимистом. В крохотной ванночке лежали зубная щетка, бритва и кисточка для бритья, а рядом – упаковка таблеток от бессонницы. На столе – его требник и Библия, переплетенная копия *Universi Dominici Gregis*^[21], правила избрания нового папы и более толстая папка, подготовленная О’Мэлли: сведения обо всех кардиналах, имеющих право голоса, вместе с их фотографиями. Рядом была кожаная папка с черновиком краткой проповеди, которую Ломели должен произнести на следующий день, когда под телевизионными камерами будет служить мессу в соборе Святого Петра. От одного только взгляда на эту папку его желудок завернулся узлом, и пришлось поспешить в ванную. После чего он сел на край кровати, наклонив голову.

Он попытался объяснить себе, что его впечатления неадекватности были просто доказательством надлежащего смирения. Он был кардиналом-епископом Остии. Перед этим – кардиналом-пресвитером Сан-Марчелло аль Корсо в Риме. А до того – титулярным архиепископом в Аквилее. И на всех этих постах, какими бы номинальными они ни были, он действовал весьма активно – читал

проповеди, служил мессу и выслушивал исповеди. Но можно быть одним из выдающихся деятелей Католической церкви и в то же время не иметь элементарных навыков, которыми владеет каждый сельский священник. Если бы только у него был опыт службы в обычном приходе хотя бы на протяжении года или двух! Но вместо этого сразу же с момента посвящения в сан его карьера сложилась совсем иначе: сначала он был преподавателем канонического права, потом дипломатом и, наконец, недолгое время государственным секретарем, а это, казалось, лишь уводило его от Бога, а не вело к Нему. Чем выше он поднимался, тем больше удалялись от него Небеса. А теперь именно ему из всех недостойных существ выпало направить коллег-кардиналов на путь избрания того, кому будут принадлежать ключи святого Петра.

Servus fidelis. «Верный слуга». Эти слова были начертаны на его гербе. Рутинный девиз человека рутины.

«Управляющего...»

Он прошел в ванную и набрал стакан воды.

«Ну что же, – подумал. – Управляй».

Двери Каза Санта-Марта по расписанию должны закрыться в шесть. После этого вход будет запрещен для всех.

«Приходите пораньше, ваши высокопреосвященства, – советовал Ломели кардиналам на последнем собрании, – и, пожалуйста, помните, что, войдя, вы обрываете все связи с внешним миром. Все мобильные телефоны и ноутбуки должны быть сданы на стойке регистрации. Вам придется пройти через сканер, чтобы убедиться, что вы ничего не забыли. Регистрация значительно ускорится, если вы сдадите все, подпадающее под запрет, на стойке».

Без пяти три он в зимнем пальто поверх черной сутаны стоял перед входом. Вместе с ним были все те же служители: секретарь Коллегии кардиналов монсеньор О'Мэлли, обер-церемониймейстер папских литургических церемоний архиепископ Мандорфф и его четыре помощника – два церемониймейстера, монсеньор и священник, а еще два брата ордена святого Августина, прикрепленные к папской ризнице. Ломели также было разрешено пользоваться услугами капеллана, молодого отца Дзанетти. Здесь же присутствовали и два врача на случай, если кому-то понадобится медицинская помощь. Таково было

общее число персонала, обслуживающего выборы самого влиятельного духовного лица на земле.

Холодало. В нескольких сотнях метров над ними парил вертолет, невидимый, но близкий в темнеющем ноябрьском небе. Шум винтов, казалось, доносился волнами, которые то бились о берег, то отступали в море, когда они, а может ветер, меняли направление. Ломели оглядел облака, пытаясь понять, где находится вертолет. Наверняка он от какой-нибудь телевизионной компании, чтобы снять с птичьего полета кардиналов, прибывающих к наружным воротам. Либо так, либо принадлежит службе безопасности. Итальянский министр внутренних дел (свежелицый экономист из широко известной католической семьи, всю жизнь в политике, а руки дрожат, когда читает свои записки) предварительно обсудил с Ломели вопросы безопасности. Угроза терроризма серьезная и неизбежная, сказал министр. На крышах зданий вокруг Ватикана установят ракеты класса «земля – воздух» и займут позиции снайперы. На близлежащих улицах будут открыто патрулировать полицейские в форме и солдаты – для демонстрации силы; в то же время сотни полицейских в гражданской одежде смешаются с толпой. В конце встречи министр попросил Ломели благословить его.

Иногда шум вертолета заглушали звуки протеста: тысячи голосов скандировали что-то в унисон, раздавались автомобильные гудки, бой барабанов и свист. Ломели попытался разобраться, против чего они выступают. Сторонники однополых браков и противники браков между геями, приверженцы разводов и члены общества «Семьи за католическое единство», женщины, требующие права посвящения в духовный сан, и женщины, выступающие за аборты и контрацепцию, мусульмане и противники мусульман, иммигранты и противники иммигрантов... все они сливались в одну общую какофонию ярости. Где-то завывали полицейские сирены, сначала одна, потом вторая, а за ней и третья, они словно эскортировали друг друга по городу.

«Мы Ковчег, – подумал он, – окруженный поднимающимися водами разногласий».

По другую сторону площади, в ближайшем к собору углу, мелодичные куранты быстро отзванивали четверти часа, потом большой колокол собора Святого Петра отбил три часа. Озабоченные

охранники в коротких черных куртках расхаживали туда-сюда, поворачивались и волновались, как вороны.

Несколько минут спустя появились первые кардиналы. Они поднимались по склону со стороны Дворца Святого престола. Были облачены в повседневные длинные черные сутаны с красным кантом, на талиях красовались широкие красные шелковые кушаки, на головах – красные шапочки. С ними шел один из швейцарских гвардейцев в шлеме с перьями и с алебардой. Могло показаться, что это сценка из шестнадцатого века, если бы не звук, издаваемый колесиками их чемоданов по брусчатке.

Прелаты приближались. Ломели расправил плечи. По своему записям он узнал двух из них. Слева шел бразильский кардинал Са, архиепископ Сан-Салвадор-да-Баия (возраст шестьдесят, сторонник теологии освобождения, вероятный папа, но не в этот раз), а справа – пожилой чилийский кардинал Контрерас, архиепископ-эмерит^[22] Сантьяго (семьдесят семь лет, крайне консервативные взгляды, одно время был исповедником генерала Аугусто Пиночета). Между ними шагал миниатюрный, полный достоинства прелат, которого декан вспомнил не сразу (да и то только имя): кардинал Хиерра, архиепископ Мехико-Сити. Ломели догадался, что они вместе завтракали и явно пытались договориться об общем кандидате. Среди кардиналов-выборщиков было девятнадцать латиноамериканцев, и, если они будут действовать согласованно, это большая сила. Но достаточно было понаблюдать за языком телодвижений бразильца и чилийца, не желавших смотреть друг на друга, чтобы понять невозможность такого общего фронта. Они, вероятно, с трудом сошлись даже во мнении, в каком ресторане встретиться.

– Братья мои, – сказал Ломели, распахивая объятия, – добро пожаловать.

Мексиканский архиепископ тут же на смеси итальянского и испанского начал сетовать на путешествие по Риму – показал след плевка на темной ткани рукава и сообщил, что на входе в Ватикан их встретили немногим лучше. Заставили предъявить паспорта, подвергли обыску, осмотрели содержимое чемоданов.

– Мы что, декан, обычные преступники?

Ломели взял жестикулирующую руку в обе свои и сжал ее:

– Ваше высокопреосвященство, надеюсь, что вы хотя бы вкусно поели, – может быть, на некоторое время останетесь без хорошей еды. Мне очень жаль, что вы, как вам кажется, подверглись унижительному досмотру. Но мы должны сделать все возможное, чтобы конклав прошел в условиях абсолютной безопасности, и, к сожалению, всем нам приходится платить за это некоторыми неудобствами. Отец Дзанетти проводит вас к стойке регистрации.

Сказав это и не выпуская руку прелата, он легонько направил Хиерру ко входу в Каза Санта-Марта, после чего отпустил его. Глядя им вслед, О’Мэлли пометил их имена в списке, потом посмотрел на Ломели и вскинул брови, на что Ломели ответил ему таким укоризненным взглядом, что испещренные капиллярами щеки монсеньора стали еще краснее. Ломели нравилось чувство юмора ирландца. Но он не допускал шуток над своими кардиналами.

Тем временем на склоне появились еще трое. Американцы, подумал Ломели, эти всегда держатся сообща, они даже устраивали совместные ежедневные пресс-конференции, пока он не пресек это. Наверное, приехали на такси из американского общежития на Вилла Стритч. Он узнал их: архиепископ Бостона Уиллард Фитцджеральд (возраст шестьдесят восемь, погружен в пасторскую деятельность, все еще расчищает завалы после педофильского скандала, умеет работать с прессой), Марио Сантос, иезуит, архиепископ Галвестон-Хьюстона (семьдесят лет, президент Конференции католических епископов США, осторожный реформатор) и Пол Красински (семьдесят девять лет, архиепископ-эмерит Чикаго, префект-эмерит Верховного трибунала апостольской сигнатуры^[23], традиционалист, ярый сторонник легионеров Христа^[24]). Как и латиноамериканцы, североамериканцы имели девятнадцать голосов. Было широко распространено мнение, что Трамбле, будучи почетным архиепископом Квебека, сможет с ними договориться. Вот только голоса Красински он не получит – тот уже открыто сказал, что будет голосовать за Тедеско, причем сделал это в оскорбительной манере для покойного папы: «Нам нужен такой святой отец, который вернет Церковь на надлежащий путь после долгого периода блужданий». Передвигался он с помощью двух палок и одной из них махнул Ломели, а швейцарский гвардеец нес его большой кожаный чемодан.

– Добрый день, декан! – Красински был рад возвращению в Рим. – Уверен, вы надеялись больше меня не увидеть.

Он был старейшим членом конклава – через месяц ему исполнится восемьдесят, уставной предельный возраст для голосования. У него была болезнь Паркинсона, и все до последней минуты сомневались, позволят ли ему врачи отправиться в дальнее путешествие.

«Ну что ж, – мрачно подумал Ломели, – значит, прилетел, и поделаться с этим ничего нельзя».

– Напротив, ваше высокопреосвященство, мы бы не отважились проводить конклав без вас, – сказал он.

Красински скосил глаза на Каза Санта-Марта:

– Вот, значит, куда вы меня определили?

– Я оставил для вас номер в цокольном этаже.

– Номер! Благородно с вашей стороны, декан. Я думал, комнаты распределяют по жребью.

Ломели наклонился к нему и прошептал:

– Я ради вас пошел на фальсификацию.

– Ха! – Красински ударил палкой по брусчатке. – Не удивлюсь, если вы, итальянцы, пойдете на фальсификацию и в голосовании!

Он поковылял дальше. Его спутники в смущении задержались, словно их вынудили привести на свадьбу старика-родственника и они не могут отвечать за его поведение.

Сантос пожал плечами:

– Увы, Пол не меняется, к сожалению.

– Да ничего страшного. Мы много лет поддразниваем друг друга.

Ломели на странный манер чуть ли не скучал по старому грубияну. Они оба вышли из прошлого. Нынешний конклав будет третьим, в котором они оба участвуют. Этим похвастаться могли лишь несколько человек. Большинство из прибывающих кардиналов никогда не участвовали в папских выборах, а если Коллегия выбирала относительно молодого папу, то для многих выборы становились последними. Они вершили историю, и, по мере того как день клонился к вечеру, а кардиналы поднимались по склону со своими чемоданами (иногда в одиночку, но чаще группами), Ломели все больше поражался тому, что многие из них относятся к предстоящим выборам со священным трепетом, даже те, кто пытался изображать невозмутимость.

Какие только расы они не представляли – вот оно, свидетельство широты распространения Католической церкви: люди, родившиеся в столь разных условиях, оказываются объединены верой в Господа! Из восточных стран (марониты и копты) приехали патриархи Ливана, Антиохии и Александрии, из Индии – ведущие епископы Тривандрама и Эрнаулам-Ангамали, а еще архиепископ Ранчи – Саверио Халко, чье имя Ломели с удовольствием произнес правильно:

– Кардинал Халко, добро пожаловать на конклав...

С Дальнего Востока приехало не менее тринадцати азиатских архиепископов – из Джакарты, Себу, Бангкока и Манилы, Сеула и Токио, Хошимина и Гонконга... И еще тринадцать прелатов прибыли из Африки – Мапуто, Кампалы, Дар-эс-Салама, Хартума, Аддис-Абебы... Ломели был уверен, что африканцы будут голосовать единым блоком за кардинала Адейеми. В середине дня он увидел нигерийца – тот шел по площади в направлении Дворца Святого престола. Несколько минут спустя он появился с группой африканских кардиналов. Предположительно, встретил их у ворот. На ходу он показывал на одно здание, на другое, словно хозяин. Он подвел их к Ломели для официального приветствия, и декан был поражен тем, насколько они почтительны по отношению к Адейеми, даже седовласые кардиналы вроде Зукулы из Мозамбика и кенийца Мвангале, который надел кардинальскую шапку гораздо раньше Адейеми.

Но для победы Адейеми понадобятся голоса не только Африки и стран третьего мира, а заручиться такой поддержкой ему будет непросто. Он может получить голоса африканцев, нападая (как уже не раз делал это) на «сатану глобального капитализма» и «скверну гомосексуализма», но это не поможет ему в Америке и Европе. В конклаве по-прежнему преобладали европейские кардиналы – пятьдесят шесть. Их Ломели знал лучше. С некоторыми дружил уже полвека (например, с Уго Де Луккой, архиепископом Генуи, учился в епархиальной семинарии). С другими встречался на конференциях на протяжении тридцати лет.

По холму бок о бок поднимались два выдающихся либеральных теолога Западной Европы. Когда-то они были изгоями, но недавно получили красные шапки – так его святейшество демонстративно бросал вызов реакционерам: бельгийский кардинал Вандроогенброк (возраст шестьдесят восемь, в прошлом профессор теологии

Лувенского католического университета, сторонник присвоения священнических санов женщинам с нулевыми шансами на избрание) и немецкий кардинал Лёвенштайн (семьдесят семь лет, архиепископ-эмерит Роттенбурга-Штутгарта, подозревался в ереси, его дело расследовалось Конгрегацией доктрины веры^[25] в тысяча девятьсот девяносто седьмом году). Патриарх Лиссабона Руи Брандао д'Круз появился с сигарой во рту и, не желая с ней расставаться, помедлил на пороге Каза Санта-Марта. Архиепископ Праги Ян Яндачек прошел по площади прихрамывая – последствие пыток, которым он подвергся в тайной полиции Чехословакии, когда в шестидесятых годах молодым священником работал подпольно. Ломели увидел архиепископа-эмерита Палермо Калогеро Скоццадзи, которого три раза допрашивали по подозрению в отмывании денег, но он так никогда и не был обвинен, и архиепископа Риги Гратиса Бротцкуса, чья семья перешла в католицизм после войны и чью мать-еврейку убили нацисты. Увидел он и француза Жан-Баптиста Куртемарша, архиепископа Бордо, его один раз отлучили от Церкви как последователя еретика Марселя Франсуа Лефевра^[26] и раз втайне записали его высказывание о том, что холокост – выдумка. Появился и испанец – архиепископ Толедо Модесто Виллануева (в пятьдесят четыре года он был самым молодым членом конклава), создатель организации «Католическая молодежь». Архиепископ утверждал, что путь к Господу лежит через красоту культуры...

И наконец – в широком смысле это и в самом деле было «наконец» – появились отдельные, наиболее изысканные группы кардиналов, две дюжины членов курии, которые постоянно жили в Риме и возглавляли крупные отделы Церкви. Они, по сути, образовывали отдельный капитул в Коллегии – орден кардиналов-дьяконов. Многие, как и Ломели, имели апартаменты по благоволению Церкви в стенах Ватикана. Большинство из них были итальянцами. Им не составляло труда пройти по Пьяцца Санта-Марта с чемоданами, поэтому они задержались с трапезой и прибыли среди последних. И хотя Ломели приветствовал их так же тепло, как и остальных (ведь они в конечном счете были его соседями), он не мог не отметить, что драгоценный дар душевного трепета, который он видел в тех, кто прибыл с другого конца света, им ничуть не свойствен. Да, они были хорошими людьми, но принадлежали к когорте пресыщенных. Ломели

и в себе замечал это духовную порчу. Он молил Господа дать ему силы противостоять ей. Покойный папа бранил их в лицо: «Остерегитесь, братья, не развивайте в себе пороки всех придворных прошлых веков – грехи тщеславия и интриги, злого умысла и сплетен». Когда Беллини после смерти его святейшества сообщил Ломели о том, что папа утратил веру в Церковь (это откровение настолько потрясло Ломели, что он с того дня тщетно пытался изгнать эти мысли), он наверняка имел в виду подобных бюрократов.

Тем не менее всех их назначил папа. Никто его не вынуждал. Например, префекта Конгрегации доктрины веры кардинала Симо Гуттузо. Либералы возлагали надежды на радушного архиепископа Флоренции. «Второй папа Иоанн XXIII» – так его называли. Но он не только не предоставил большей автономии епископам (хотя перед назначением в курию и заявлял об этом как о деле своей жизни), но, заняв место, проявил себя в такой же мере авторитарным, как и его предшественник, разве что менее торопливым. Он потолстел, как ренессансные персоны, с трудом преодолевал короткое расстояние от своих громадных апартаментов в палаццо Сан-Карло до Каза Санта-Марта, хотя от одного до другого было рукой подать. Его личный капеллан с трудом тащился за ним, неся три чемодана.

Ломели, обозрев их, сказал:

– Мой дорогой Симо, уж не пытаетесь ли вы контрабандой протащить сюда своего личного повара?

– Видите ли, декан, никто не знает, когда некоторые из нас смогут отправиться домой, разве не так?

Гуттузо схватил руку Ломели в две жирные свои и добавил сиплым голосом:

– Или, если уж на то пошло, когда некоторые вернутся домой.

Его слова на несколько секунд повисли в воздухе, и Ломели подумал: «Господи милостивый, он и в самом деле верит, что его выберут».

– Эй, Ломели! Посмотрите на себя! Не волнуйтесь, я же шучу. Я из тех, кто понимает свои возможности. В отличие от некоторых наших коллег...

Гуттузо поцеловал его в одну щеку, в другую и, покачиваясь по-утиному, прошел дальше. Декан увидел, что тот остановился у дверей перевести дыхание, после чего исчез в Каза Санта-Марта.

Ломели заключил, что префекту повезло: проживи его святейшество еще несколько месяцев, Гуттузо наверняка предложили бы подать в отставку.

«Я хочу, чтобы Церковь была бедной, – не раз говорил папа в присутствии Ломели. – Я хочу, чтобы Церковь стала ближе к народу. У Гуттузо хорошая душа, но он забыл о своих корнях».

Папа цитировал Матфея: «Если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною»^[27].

Ломели полагал, что его святейшество намеревался уволить чуть ли не половину назначенных им старших прелатов. Скажем, Билл Рудгард, который прибыл вскоре после Гуттузо: пусть и приехал из Нью-Йорка, и походил на банкира с Уолл-стрит, но он ни в малейшей мере не смог установить контроль за финансовыми потоками его департамента – Конгрегации по канонизации святых.

(«Между нами говоря, я никогда не должен был ставить на эту должность американца. Они такие невинные: даже не подозревают, как работает взятка. Вы вот знали, что средняя плата за канонизацию составляет четверть миллиона евро? Единственное чудо состоит в том, что за это готовы платить...»)

Что касается следующего человека, вошедшего в Каза Санта-Марта, – кардинала Тутино, префекта Конгрегации по делам епископов, – то его точно отправят в отставку в следующем году. Он попался на язычок прессе – обнаружилось, что он растратил полмиллиона евро, соединив две квартиры, чтобы хватило места для трех монахинь и капеллана, без услуг которых он никак не мог обойтись. Тутино в прессе исколотили так, что теперь у него был вид человека, подвергшегося физическому избиению и едва выжившего. Кто-то придавал гласности его частную переписку по электронной почте. И теперь он был одержим поисками – кто же это делает. Двигался он перебежками. Оглядывался через плечо. Ему было трудно смотреть Ломели в глаза. После самых торопливых приветствий он проскользнул в Каза, демонстративно неся свои вещи без чьей-либо помощи в дешевой дорожной текстильной сумке.

К пяти часам начало темнеть. С заходом солнца похолодало. Ломели спросил, сколько кардиналов еще не пришли. О'Мэлли

справился со своим списком.

– Четырнадцать, ваше высокопреосвященство.

– Значит, сто три овцы из нашего стада до полуночи успели в безопасный загон. Рокко, – обратился он к молодому капеллану, – будьте добры, принесите мой шарф.

Вертолет исчез, но последние из демонстрантов еще продолжали протестовать, доносился ритмичный барабанный бой.

– Интересно, куда пропал кардинал Тедеско? – спросил Ломели.

– Возможно, он не придет, – ответил О'Мэлли.

– Ну это было бы слишком хорошо! Впрочем, простите мое злопыхательство.

Вряд ли он имел право укорять секретаря Коллегии в неуважении, если сам его демонстрировал. Он сделал себе заметку на память покаяться в этом грехе.

Отец Дзанетти вернулся с шарфом в тот момент, когда появился кардинал Трамбле – он пришел один со стороны Апостольского дворца. На плече у него висела повседневная сутана в целлофановом пакете из химчистки. В правой руке – спортивная сумка «Найк». Такой образ он принял после похорон его святейшества: папа двадцать первого века – скромный, простой, доступный, но при этом ни один волосок его великолепной седой шевелюры под красным дзукетто не растрепался.

Ломели предполагал, что канадский кандидат упадет сам по себе два-три дня спустя после начала конклава. Трамбле знал, как подать себя прессе. В качестве камерленго он отвечал за каждодневную работу Церкви до избрания нового понтифика. Забот у него было не особенно много. Тем не менее он ежедневно собирал кардиналов в Зале синода, потом устраивал пресс-конференции, а вскоре начали появляться статьи, цитирующие «источники в Ватикане», в которых говорилось, какое огромное впечатление на коллег производит его мастерское управление делами. У Трамбле было и другое, более действенное средство продвигать себя. Именно к нему как к префекту Конгрегации евангелизации народов обращались за финансированием кардиналы из развивающихся стран, в особенности из стран бедных. Им требовались деньги не только для миссионерской деятельности, но и на проживание в Риме в промежутке между похоронами папы и конклавом. Произвести на них впечатление можно было без труда. Если человек наделен таким сильным чувством судьбы, то, может быть, он и в самом деле

избранный? Может быть, ему был знак, невидимый для остальных? И уж точно невидимый для Ломели.

– Добро пожаловать, Джо.

– Якопо, – дружески ответил Трамбле и с извиняющейся улыбкой поднял руки, показывая, что не может обменяться рукопожатием.

«Если он победит, – пообещал себе Ломели, – меня на следующий же день не будет в Риме».

Он намотал на шею черный шерстяной шарф и засунул руки поглубже в карманы пальто, а потом принялся притопывать по брусчатке.

– Мы могли бы подождать и внутри, ваше высокопреосвященство, – сказал Дзанетти.

– Нет, пока еще есть такая возможность, я хочу подышать свежим воздухом.

Кардинал Беллини появился только в половине шестого. Ломели увидел его высокую, худую фигуру – он двигался в тени по краю площади. В одной руке нес чемодан, в другой – черный портфель, настолько набитый книгами и бумагами, что и закрыть его как положено не удалось. Голова кардинала была наклонена в раздумье. По всеобщему мнению, Беллини был фаворитом в гонке претендентов на трон святого Петра. Какие мысли появлялись в этой голове в связи с такой перспективой, спрашивал себя Ломели. Кардинал был слишком благороден для интриг и слухов. Если папа сурово критиковал курию, то на Беллини его критика не распространялась. Он в качестве государственного секретаря весь отдавался работе, и его подчиненные вынуждены были организовать вторую смену, которая приходила каждый вечер в шесть и оставалась с ним до полуночи. Он в большей мере, чем кто-либо из других членов Коллегии, имел как физические, так и умственные способности для папского трона. И он был человеком молитвы. Ломели решил голосовать за него, хотя своего намерения не оглашал, а Беллини имел слишком щепетильный характер, чтобы спрашивать. Экс-секретарь был настолько погружен в свои мысли, что вполне мог пройти мимо встречающих. Но в последнюю минуту он вспомнил, поднял голову и пожелал всем доброго вечера. Лицо у него казалось бледнее и изможденнее обычного.

– Я последний?

– Не совсем. Как дела, Альдо?

– Вполне себе ужасно! – улыбнулся Беллини тонкими губами и отвел Ломели в сторону. – Вы читали сегодняшние газеты – какое у меня может быть настроение? Я дважды размышлял о «Духовных упражнениях» святого Игнатия^[28], чтобы сохранить спокойствие.

– Да, я читал газеты, и, если хотите моего совета, мудро было бы не обращать внимания на всех этих самозванных «экспертов». Предоставьте это Богу, мой друг. Будет Его воля – все случится, нет так нет.

– Но я не только безвольный инструмент в руках Господа. У меня есть что сказать по этому вопросу. Он наделил нас свободной волей. – Беллини понизил голос, чтобы остальные не услышали его. – Я вовсе этого не хочу, вы понимаете? Ни один человек в здравом уме не может желать стать папой.

– Некоторые из наших коллег, кажется, придерживаются другого мнения.

– Значит, они глупцы, если не что похуже. Мы оба видели, что папство сделало с его святейством. Это Голгофа.

– Тем не менее вы должны быть готовы. Обстоятельства складываются так, что папой вполне можете стать вы.

– Но если я не хочу этого? Если я в сердце своем знаю, что не достоин?

– Чепуха. Вы куда достойнее всех нас.

– Нет.

– Тогда скажите вашим сторонникам, чтобы они не голосовали за вас. Передайте эту чашу кому-нибудь другому.

На лице Беллини появилось мучительное выражение.

– Чтобы чашу получил он?

Кардинал кивнул вниз по склону. К ним поднималась плотная, коренастая, чуть ли не квадратная фигура, формы которой становились комичнее от того, что по бокам шли высокие швейцарские гвардейцы в шлемах с перьями.

– Он-то не испытывает никаких сомнений. Он вполне готов свести на нет тот прогресс, который мы достигли за последние шестьдесят лет. Как я буду жить со своей совестью, если не попытаюсь его остановить?

Не дожидаясь ответа, Беллини поспешил в Каза Санта-Марта, оставив Ломели встречать патриарха Венеции.

Из всех клириков, которых видел Ломели, кардинал Гоффредо Тедеско меньше всего походил на клирика. Незнакомый с ним человек, взглянув на его фотографию, вероятно, сказал бы, что это мясник на пенсии или водитель автобуса. Тедеско происходил из крестьянской семьи в Базиликате, с самого юга, младший из двенадцати детей – такие громадные семьи когда-то не были в диковинку в Италии, но после Второй мировой войны практически исчезли. Нос ему сломали в юности, и теперь тот имел форму луковицы и был слегка изогнут. Тедеско носил длинные волосы, кое-как разделенные пробором. Брился тоже небрежно. В гаснущем свете дня он напомнил Ломели фигуру из другого столетия; может быть, Джоаккино Россини^[29]. Но деревенский образ был маской. Кардинал имел две степени по теологии, говорил на пяти языках и был протезе Ратцингера на должность префекта в Конгрегацию доктрины веры, где его называли вышибалой панцеркардинала. После похорон папы Тедеско уехал из Рима, сказав, что ему тут ужасно холодно. Никто ему, конечно, не поверил. Публичности ему вполне хватало, а его отсутствие лишь усиливало связанную с ним таинственность.

– Мои извинения, декан. Поезд задержался в Венеции.

– Как здоровье?

– Неплохо... хотя в наши годы никто по-настоящему не бывает здоров.

– Нам вас не хватало, Гоффредо.

– Не сомневаюсь, – рассмеялся Тедеско. – Увы, ничего не мог с этим поделать. Но мои друзья хорошо информировали меня о происходящем. Еще встретимся, декан. – И обратился к швейцарскому гвардейцу: – Нет-нет, мой дорогой, дайте это мне.

Так, до конца играя человека из народа, он настоял на том, что самостоятельно понесет в дом свой чемодан.

3. Откровения

Без четверти шесть архиепископа-эмерита Киева Вадима Яценко закатили вверх по склону в коляске. О'Мэлли театрально поставил последнюю галочку в бумагах на клипборде и объявил, что все сто семнадцать кардиналов безопасно добрались до места.

Ломели с облегчением кивнул и закрыл глаза. Семь чиновников конклава немедленно сделали то же самое.

– Отец Небесный, – сказал он, – Творец неба и земли, Ты избрал нас Своим народом. Помоги нам придать Твою славу всему, что мы делаем. Благослови этот конклав, направь нас по пути мудрости, сплоти нас, слуг Твоих, помоги нам встречать друг друга в любви и радости. Мы восхваляем имя Твое ныне и вовеки. Аминь.

– Аминь.

Он повернулся к Каза Санта-Марта. Теперь, когда все ставни были закрыты, с верхних этажей не проникало ни луча света. Погруженный в темноту дом превратился в бункер. Освещен был только вход. За толстым пуленепробиваемым стеклом в желтоватом сиянии безмолвно двигались священники и охранники, словно в аквариуме.

Ломели уже почти подошел к двери, когда кто-то прикоснулся к его руке.

– Ваше высокопреосвященство, – сказал Дзанетти, – вы не забыли: архиепископ Возняк ждет вас?

– Ах да – Януш! Забыл. Но времени в обрез.

– Он знает, что до шести должен покинуть вас, ваше высокопреосвященство.

– Где он?

– Я попросил его посидеть в комнате ожидания внизу.

Ломели кивнул на салютовавшего у дверей швейцарского гвардейца и последовал за Дзанетти в теплый холл, на ходу расстегивая пальто. После здоровой уличной прохлады здесь стояла некомфортная духота. Между мраморными колоннами виднелись группки беседующих кардиналов. Он, проходя, улыбался им. Кто они такие? Память подводила его. В бытность папским нунцием он помнил имена всех своих коллег-дипломатов, их жен и даже детей. Теперь же каждый разговор грозил обернуться неловкостью.

У дверей комнаты ожидания напротив капеллы Ломели отдал Дзанетти пальто и шарф:

– Будьте добры, отнесите это ко мне в комнату.

– Вы не хотите, чтобы я поприсутствовал?

– Нет, я разберусь. – Он взялся за ручку двери. – Напомните мне, когда вечерня?

– В шесть тридцать, ваше высокопреосвященство.

Ломели открыл дверь. Архиепископ Возняк стоял спиной к нему в дальнем конце помещения. Он, казалось, смотрел на голую стену. Внутри витал слабый, но легко узнаваемый запах алкоголя. И опять Ломели пришлось подавить раздражение. Как будто у него без этого мало забот!

– Януш? – подошел он к Возняку, собираясь обнять, но, к его тревоге, префект Папского дома упал на колени и осенил себя крестом.

– Ваше высокопреосвященство, именем Отца, Сына и Святого Духа. Моя последняя исповедь была четыре недели назад.

Ломели вытянул руку:

– Януш, Януш, простите меня, но у меня просто нет времени, чтобы выслушать вашу исповедь. Двери закроют через несколько минут, и вам придется уйти. Сядьте, пожалуйста, и быстро расскажите мне, что вас беспокоит.

Он подхватил архиепископа под руку, подвел к стулу и посадил. Сам сел рядом, одобрительно улыбнулся и похлопал Возняка по коленке:

– Слушаю.

Пухлое лицо Возняка было мокрым от пота. Ломели сидел так близко от него, что видел пылинки на стеклах очков архиепископа.

– Ваше высокопреосвященство, мне нужно было прийти к вам раньше. Но я обещал, что буду молчать, – сказал префект.

– Я понимаю. Не волнуйтесь.

Возняк, казалось, потел водкой. Кто это плел небылицы о том, что она не дает запаха? Возняк просто весь пропах ею. Руки у него тряслись.

– Итак, вы обещали ничего не говорить... кому вы дали это обещание?

– Кардиналу Трамбле.

– Понимаю.

Ломели чуть подался назад. Он целую жизнь выслушивал чужие тайны, и у него уже выработался инстинкт на такие признания. Вульгарные священники полагали, что лучше узнать всё, его же опыт говорил, что лучше знать минимум возможного.

– Прежде чем вы начнете, Януш, я прошу вас спросить у Господа, правильно ли будет нарушить обещание, которое вы дали кардиналу Трамбле.

– Я много раз спрашивал Его, ваше высокопреосвященство, и именно поэтому я здесь. – Губы Возняка дрожали. – Если для вас это затруднительно, то я...

– Нет-нет, конечно. Только, пожалуйста, называйте факты. У нас совсем нет времени.

– Хорошо. – Поляк сделал глубокий вдох. – Вы помните, что в день смерти его святейшества последний, с кем у него состоялась официальная встреча в четыре часа, был кардинал Трамбле.

– Помню.

– Так вот, во время той встречи его святейшество освободил кардинала Трамбле от всех церковных служебных обязанностей.

– Что?

– Папа отправил его в отставку.

– За что?

– За грубое нарушение этики.

Ломели лишился дара речи.

– Послушайте, архиепископ, вы могли бы выбрать для этого более удобное время и рассказать мне все раньше?

Возняк уронил голову:

– Я знаю, ваше высокопреосвященство. Простите меня.

– Ведь вы могли сказать мне об этом в любое время за последние три недели!

– Я не виню вас за то, что вы сердитесь, ваше высокопреосвященство. Но до меня только в последние дни дошли слухи о кардинале Трамбле.

– Какие слухи?

– О том, что он может быть избран папой.

Ломели выдержал достаточно длительную паузу, чтобы передать свое неудовольствие такой откровенностью.

– И вы считаете своим долгом предотвратить это?

– Я больше не знаю, в чем состоит мой долг. Я много молился, чтобы Господь наставил меня, и в конечном счете мне показалось, что вы должны знать факты, а потом уже решать, сообщать о них остальным кардиналам или нет.

– Но в чем факты, Януш? Вы не сообщили мне никаких фактов. Вы присутствовали при встрече папы и Трамбле?

– Нет, ваше высокопреосвященство. Его святейшество сказал мне об этом позднее, когда мы вместе ужинали.

– Он вам сказал, почему отправил в отставку кардинала Трамбле?

– Нет. Сказал, что причины вскоре станут ясны. Но он был очень взволнован... очень рассержен.

Ломели разглядывал Возняка. Не лжет ли он? Нет. Возняк был простой душой, его вывезли из городка в Польше, и он стал компаньоном Иоанна Павла II в его последние годы. Ломели не сомневался: Возняк говорит правду.

– Кто-нибудь еще знает об этом, кроме вас и кардинала Трамбле?

– Монсеньор Моралес – он присутствовал на встрече его святейшества и кардинала Трамбле.

Ломели знал Гектора Моралеса, хотя и немного. Моралес служил одним из частных секретарей папы. Уругваец.

– Послушайте, Януш, – сказал Ломели, – вы абсолютно уверены, что не ошибаетесь? Я вижу, что вы не в себе. Почему монсеньор Моралес ни словом об этом не обмолвился? Он был вместе с нами в ночь смерти его святейшества. Он мог бы высказаться на этот счет. Или сообщить кому-нибудь из других секретарей.

– Ваше высокопреосвященство, вы сказали, что вам нужны факты. Вот вам факты. Я тысячу раз обдумывал все это. Я обнаружил, что его святейшество мертв. Я вызвал доктора. Доктор вызвал кардинала Трамбле. Как вы знаете, таковы правила: «Камерленго – первый из членов курии, который должен быть официально оповещен в случае смерти папы». Кардинал Трамбле прибыл и взял бразды правления в свои руки. Естественно, я не имел никаких прав возражать, а к тому же я был потрясен. Но по прошествии часа он отвел меня в сторону и спросил, не был ли его святейшество особенно озабочен чем-то во время нашего ужина. Вот тогда я должен был сказать что-то. Но меня обуял страх, ваше высокопреосвященство. Предполагалось, что я ничего такого не должен знать. Поэтому я ответил, что папа был

взволнован, но не вдавался ни в какие детали. Потом я увидел, что кардинал шепчется о чем-то с монсеньором Моралесом. Я предположил, что он убеждает секретаря ничего не говорить о той встрече с его святейшеством.

– С чего вы это решили?

– Я позднее пытался поговорить с монсеньором о том, что мне сообщил папа, но у него на этот счет было твердое мнение. Он сказал, что никакой отставки не случилось, а его святейшество в последние недели был не в себе и ради блага Церкви я не должен больше поднимать этот вопрос. Вот я и не поднимал. Но это неправильно, ваше высокопреосвященство. Господь говорит мне, что это неправильно.

– Да, – согласился Ломели, – неправильно.

Он пытался понять, какие у этого могут быть последствия. Не исключено, что вообще никаких. Возняк переутомился. Но с другой стороны, если они изберут Трамбле папой, а потом все обнаружится и начнется скандал, то последствия для Церкви могут быть катастрофическими.

Вдруг раздался громкий стук.

– Не сейчас! – крикнул Ломели.

Дверь распахнулась. В комнату ввалился О’Мэлли. Вся его немалая масса опиралась на правую ногу, как у конькобежца, а левая рука вцепилась в дверную раму.

– Ваше высокопреосвященство, архиепископ, извините, что прерываю, но ваше присутствие требуется самым срочным образом.

– Господи боже, что еще случилось?

О’Мэлли скосил взгляд на Возняка.

– Извините, ваше высокопреосвященство, я бы предпочел не говорить. Не могли бы вы прийти немедленно?

Он отошел от двери и показал рукой в направлении холла.

Ломели неохотно поднялся на ноги.

– Вы должны предоставить решение мне, – сказал он Возняку. – Но вы поступили правильно.

– Спасибо. Я знал, что всегда могу прийти к вам. Вы благословите меня, ваше высокопреосвященство?

Ломели возложил руку на голову архиепископа.

– Ступайте с миром и любовью и служите Господу. – В дверях он повернулся. – И может быть, вы с вашей добротой вспомните меня

сегодня вечером в своей молитве. Боюсь, мне может потребоваться большее Божественное покровительство, чем вам.

За несколько последних минут холл оказался переполнен. Кардиналы начали выходить из своих комнат – собирались на мессу в часовне. Тедеско разглагольствовал перед группой внизу лестницы – Ломели видел его краем глаза, направляясь с О’Мэлли к месту регистрации. У длинной полированной деревянной стойки дежурил швейцарский гвардеец, прижимая к себе шлем. С ним находились два агента службы безопасности и архиепископ Мандорфф. В том, как они смотрели перед собой и молчали, было что-то зловещее, и Ломели вдруг с абсолютной уверенностью решил, что кто-то из кардиналов умер.

– Извините за таинственность, ваше высокопреосвященство, – сказал О’Мэлли, – но я подумал, что не могу говорить об этом в присутствии архиепископа.

– Я уже наверняка знаю, о чем пойдет речь: вы собираетесь сказать мне, что мы потеряли одного из кардиналов?

– Напротив, декан, у нас, судя по всему, появился лишний. – Ирландец издал нервный смешок.

– Вы так хотели пошутить?

– Нет, ваше высокопреосвященство, – заговорил О’Мэлли серьезным голосом. – Я имею в виду в буквальном смысле: только что объявился еще один кардинал.

– Как такое возможно? Мы кого-то не включили в список?

– Нет, его имени никогда и не было в списке. Он говорит, что он был возведен в кардинальский сан *in pectore*^[30].

Ломели чувствовал себя так, будто ударился лбом о невидимую стену. Он резко остановился посреди холла.

– Это наверняка какой-то самозванец.

– Я тоже так решил, ваше высокопреосвященство. Но с ним говорил архиепископ Мандорфф, и он так не считает.

Ломели поспешил к Мандорффу:

– Что это еще за новости?

За стойкой регистрации две монахини стучали по клавиатуре компьютеров, делая вид, что не слушают.

– Его зовут Винсент Бенитез, ваше высокопреосвященство. Он архиепископ Багдада.

– Багдада? Я не знал, что у нас там есть архиепископ. Он иракец?

– Вряд ли. Он филиппинец. Его святейшество назначил его в прошлом году.

– Да, кажется, я что-то такое вспоминаю.

Перед мысленным взором Ломели возникла фотография в газете. Католический прелат на фоне разрушенной церкви. И его в самом деле возвели в кардинальский сан?

– Вы ведь в первую очередь должны быть осведомлены об этом, – сказал Мандорфф.

– Но я не осведомлен. У вас удивленный вид.

– Я предполагал, что если его возвели в кардинальский сан, то его святейшество должен был известить декана Коллегии кардиналов.

– Необязательно. Если вы помните, он в последнее время полностью пересмотрел каноническое право в том, что касается назначений *in pectore*.

Ломели пытался говорить беззаботным тоном, хотя на самом деле ощущал это последнее оскорбление острее других. *In pectore* («в сердце») было древней оговоркой, согласно которой папа имел право возводить кого-либо в кардинальский сан, не называя его имени даже самым близким сотрудникам; кроме самого назначенного, об этом знал один Господь. За все годы в курии Ломели лишь раз слышал о возведении в кардинальский сан *in pectore*, имя этого кардинала так и не было названо даже после смерти папы. Это случилось в две тысячи третьем году во время папства Иоанна Павла II. До сего дня никто не знал имени этого человека, предполагали, что он китаец и его имя должно оставаться в тайне, чтобы власти не подвергли его преследованиям. Предположительно те же самые соображения безопасности вполне могли быть применимы и к старшему представителю Церкви в Багдаде. Так ли оно было на самом деле?

Ломели ощущал на себе взгляд Мандорффа. Немец обильно потел в жарком холле. Свет люстры отражался на его гладко выбритом черепе.

– Но я уверен, что его святейшество не принял бы такого чувствительного решения, не посоветовавшись, по крайней мере, с

государственным секретарем. Рэй, будьте добры, найдите кардинала Беллини и пригласите его к нам.

Когда О'Мэлли ушел, Ломели снова обратился к Мандорффу:

– Вы и в самом деле считаете, что он кардинал?

– У него письмо от покойного папы, подтверждающее назначение.

Письмо адресовано в архиепархию Багдада, и там оно содержалось в тайне по просьбе его святейшества. У багдадца есть должностная печать. Посмотрите сами. – Он показал Ломели пачку документов. – И он действительно является архиепископом, выполняет миссию в одном из самых опасных мест мира. Я не могу представить себе, зачем бы ему понадобилось подделывать свои верительные грамоты?

– Пожалуй.

Бумаги, на взгляд Ломели, действительно были подлинными. Он вернул их и поинтересовался:

– Где он теперь?

– Я попросил его подождать в запасном кабинете.

Мандорфф направился за регистрационную стойку. Сквозь стеклянную стену Ломели увидел стройного человека, сидящего на оранжевом пластмассовом стуле в углу между принтером и коробками с писчей бумагой. В простой черной сутане, без шапочки на голове, он сидел, наклонившись вперед, уперев локти в колени, и перебирал четки. Смотрел в пол и явно молился. Его лицо трудно было разглядеть – мешала прядь темных волос.

– Он подошел к двери за секунды до закрытия, – тихо сказал Мандорфф, словно боясь разбудить спящего. – Его имени, конечно, не было в списке, и одет он не по-кардинальски, поэтому гвардеец у ворот позвонил мне. Я попросил привести его, на входе его обыскали. Надеюсь, я вел себя корректно?

– Конечно.

Филиппинец перебирал четки, полностью уйдя в молитву. Ломели, рассматривая его, чувствовал себя так, будто подглядывает в замочную скважину. Но ему было трудно отвернуться. Он завидовал. Сам он давно утратил способность так отдаваться молитве, изолируясь от мира. В его голове теперь постоянно стоял шум. Сначала Трамбле, подумал он, теперь это. Какие еще потрясения ждут нас, спрашивал он себя.

– Кардинал Беллини наверняка сможет прояснить этот вопрос, – сказал Мандорфф.

Ломели огляделся и увидел Беллини, который шел к ним вместе с О'Мэлли. На лице бывшего государственного секретаря было обеспокоенное выражение.

– Альдо, вы об этом знали?

– Я не знал, что его святейшество в самом деле пошел на это, нет, не знал. – Беллини недоуменно посмотрел через стекло на Бенитеза, словно на какое-то мифическое существо. – И тем не менее вот он перед нами...

– Значит, папа говорил, что у него есть такие намерения?

– Да, он говорил о такой возможности месяца два назад. Я ему категорически не советовал делать это. Христиане и без того немало пострадали в той части мира, зачем еще сильнее будоражить воинственных исламистов. Кардинал Ирака! Американцы были бы в ужасе. Как мы могли бы обеспечить его безопасность?

– Предположительно, именно поэтому его святейшество и хранил это производство в кардиналы в тайне.

– Но люди так или иначе узнали бы! Все тайное становится явным, а особенно в таком месте, и он понимал это лучше кого-либо другого.

– Ну, теперь это перестанет быть тайной, как бы ни развивались события.

Филиппинец за стеклом безмолвно перебирал четки.

– Если вы подтверждаете намерение папы произвести его в кардиналы, то логично предположить, что его бумаги подлинные, – сказал Ломели, – поэтому, я думаю, у нас нет иного выбора – только допустить его.

Он двинулся к двери. К его удивлению, Беллини ухватил его за руку.

– Пойдите, декан! – прошептал он. – Должны ли мы это делать?

– Почему нет?

– Мы уверены, что его святейшество имел все права принять такое решение?

– Осторожнее, мой друг. Это похоже на ересь, – тоже вполголоса ответил Ломели, не желая, чтобы их разговор кто-нибудь услышал. – Не нам решать, был ли прав его святейшество или нет. Наш долг состоит в выполнении его пожеланий.

– Папская непогрешимость относится к доктрине. Она не распространяется на назначения.

– Я хорошо осведомлен о границах папской непогрешимости. Но тут речь идет о каноническом праве. А в этих вопросах моя квалификация не уступает вашей. Тридцать девятая статья Апостольской конституции говорит вполне недвусмысленно: «Если кто-либо из кардиналов-выборщиков прибудет „ре интегра“, то есть до избрания нового пастыря Церкви, его следует допустить до голосования на той стадии, в которой оно находится». Этот человек является кардиналом по закону.

Он освободил руку и открыл дверь.

Бенитез поднял голову, когда вошел Ломели, и медленно встал. Он был чуть ниже среднего роста, лицо имел точеное, красивое. Возраст его не поддавался определению. При гладкой коже его скулы выступали, худоба тела имела вид чуть ли не болезненный. Рукопожатие у него было легче пушинки. Он казался совершенно изможденным.

– Добро пожаловать в Ватикан, архиепископ, – сказал Ломели. – Извините, что вам пришлось ждать здесь, но нам потребовалось провести проверку. Надеюсь, вы понимаете. Я кардинал Ломели, декан Коллегии.

– Нет, декан, это я должен принести извинения за столь неординарное появление, – отчетливо произнес Бенитез тихим голосом. – Я вам благодарен за вашу доброту – вы могли вообще не принять меня.

– Забудем об этом. Я уверен, что ваше неожиданное появление имеет свои объяснения. Это кардинал Беллини, вы, вероятно, его знаете.

– Кардинал Беллини? К сожалению, нет.

Бенитез протянул руку, и Ломели на миг показалось, что Беллини откажется ее пожимать. Но тот все же ответил на рукопожатие, а потом проговорил:

– Извините, архиепископ, но должен сказать, что, по моему мнению, вы совершили серьезную ошибку, приехав сюда.

– Почему, ваше высокопреосвященство?

– Потому что христиане на Ближнем Востоке и без того подвергаются опасности, без провокативного назначения вас кардиналом и вашего появления в Риме.

– Я, естественно, осознаю риски. По этой причине я долго раздумывал – приезжать мне или нет. Но могу вас заверить, я долго и усиленно молился, перед тем как отправиться в путь.

– Что ж, вы сделали свой выбор, вопрос закрыт. Однако теперь, когда вы оказались здесь, должен вам сказать, что не понимаю, каким образом вы предполагаете вернуться в Багдад.

– Конечно, я вернусь и, как и тысячи других, буду пожинать последствия, которые вытекают из моей веры.

– Я не ставлю под сомнение ни ваше мужество, ни вашу веру, архиепископ, – холодно сказал Беллини. – Но ваше возвращение будет иметь дипломатический резонанс, а потому, возможно, будет зависеть не только от вашего решения.

– Но и не от вашего, ваше высокопреосвященство. Это будет решение следующего папы.

«А он сильнее, чем кажется», – подумал Ломели.

На сей раз Беллини не нашел ответа, и тогда Ломели сказал:

– Братья, мы забегаем вперед. Суть в том, что вы приехали. И теперь нужно перейти к вещам практическим: посмотреть, есть ли для вас комната. Где ваш багаж?

– У меня нет багажа.

– Что, вообще никакого?

– Я думал, что в аэропорт Багдада лучше прийти с пустыми руками, чтобы скрыть мои намерения, – куда бы я ни пошел, за мной идут агенты правительства. Одну ночь я провел в зале прилета Бейрутского аэропорта, а в Риме приземлился два часа назад.

– Ну и ну! Посмотрим, что можно для вас сделать.

Ломели повел его из кабинета к стойке регистрации:

– Монсеньор О’Мэлли – секретарь Коллегии кардиналов. Он попытается найти все, что вам необходимо. Рэй, – обратился он к О’Мэлли, – его высокопреосвященству понадобятся туалетные принадлежности, чистая одежда... и, конечно, богослужебная одежда.

– Богослужебная? – переспросил Бенитез.

– Когда мы отправляемся голосовать в Сикстинскую капеллу, то должны быть одеты по всей форме. В Ватикане наверняка найдется свободный комплект.

– «Когда мы отправляемся голосовать в Сикстинскую капеллу...» – повторил Бенитез и вдруг посмотрел на Ломели ошеломленно. –

Простите, декан. Чувства меня переполняют. Как я могу голосовать ответственно, если даже не знаю ни одного из кандидатов? Кардинал Беллини прав. Мне не следовало приезжать.

– Ерунда! – Ломели ухватил его за руки – они были худющие, хотя он опять почувствовал какую-то внутреннюю жилистую силу. – Послушайте меня, ваше высокопреосвященство. Сегодня мы все обедаем вместе. Я вас представлю, и вы за обедом сможете поговорить с вашими братьями кардиналами – некоторых из них вы знаете. По крайней мере, по их репутации. Вы будете молиться, как и все мы. Дух Святой наставит нас, и мы сделаем выбор. И для всех нас это будет незабываемый духовный опыт.

Вечерня началась в часовне на цокольном этаже. По холлу плыли звуки григорианского хора. Ломели вдруг почувствовал, что валится с ног от усталости. Он оставил О’Мэлли присматривать за Бенитезом, а сам сел в кабину лифта и поехал на свой этаж. В комнате стояла духота. Кондиционер, похоже, не работал. Ломели на мгновение забыл о заваренных ставнях и попытался открыть окно. Из этого ничего не получилось, и он оглядел комнату. Свет горел очень ярко. Белые стены и полированный пол, казалось, усиливали сияние. Он ощутил приближение головной боли. Выключил свет в спальне, на ощупь прошел в ванную, нашел шнур, включающий неоновую лампу над зеркалом. Потом прикрыл дверь, лег на кровать в синеватом сиянии, собираясь помолиться. Не прошло и минуты, как он уснул.

В какой-то момент ему приснилось, что он в Сикстинской капелле, а в алтаре молится его святейшество, но каждый раз, когда Ломели пытался приблизиться к нему, старик отходил все дальше, пока не оказался перед дверью в ризницу. Там он с улыбкой повернулся, открыл дверь в Комнату слез и нырнул в темноту.

Ломели проснулся с криком, но быстро приглушил его, укусив себя за костяшку пальца. Несколько секунд он лежал с широко раскрытыми глазами, пытаясь понять, где находится. Все знакомые предметы его жизни исчезли. Он ждал, когда успокоится сердце. Попытался вспомнить, что еще было во сне. Он не сомневался, что видел много-много образов. Он чувствовал их. Но в то мгновение, когда он старался закрепить их в мыслях, они начинали мерцать и исчезали, как

лопнувший мыльный пузырь. В его мозгу осталось только жуткое видение падающего его святейшества.

Он услышал два говоривших по-английски голоса из коридора. Похоже, это были африканские кардиналы. Кто-то долго возился с ключом. Потом дверь открылась и закрылась. Один из кардиналов, волоча ноги, двинулся дальше по коридору, а другой включил свет в соседней комнате. Стены были такие тонкие – чуть ли не картонные. Ломели слышал, как его сосед двигается по комнате, разговаривает сам с собой (он подумал, что это может быть Адейеми), потом раздался кашель и харканье, заверещал сливной бачок унитаза.

Ломели посмотрел на часы – почти восемь. Проспал едва ли больше часа. Он по-прежнему чувствовал себя уставшим, словно время сна увеличило его напряжение больше, чем если бы он не спал. Он подумал обо всех предстоящих ему задачах.

«Господи, дай мне силы для этого испытания».

Он осторожно повернулся, сел, поставил ноги на пол и качнулся несколько раз, набирая инерцию, чтобы встать. Ничего не поделаешь – старость, все эти движения когда-то давались без труда (простое действие – встать с кровати), а теперь для их совершения требовались точно выверенные заранее маневры. С третьей попытки он поднялся и на негнущихся ногах преодолел короткое расстояние до письменного стола.

Он сел, включил настольную лампу, наклонил ее над папкой коричневой кожи. Вытащил двенадцать листов размера А5: плотные, кремового цвета, ручного производства – качества, которое считалось достойным предстоящего события. Шапка была набрана крупным, четким шрифтом с двойными пробелами. После того как он закончил писать, документ навсегда стал собственностью Ватиканского архива.

Служба называлась «Pro eligendo Romano pontifice» («К избранию римского понтифика»), и ее цель по давней традиции состояла в том, чтобы определить качества, которые требуются от нового папы. На памяти живущего поколения такие проповеди неизменно влияли на избрание. В тысяча девятьсот пятьдесят восьмом году кардинал Антонио Баччи составил описание идеального, с точки зрения либерала, понтифика («Пусть новый Викарий Христа построит мост между всеми уровнями общества, между всеми народами...»); это описание практически было дословным портретом кардинала Венеции

Ронкалли, который и стал папой Иоанном XXIII. Пять лет спустя консерваторы испытали ту же тактику в проповеди, произнесенной монсеньором Амлето Тондини (радостные аплодисменты, которыми был встречен «папа мира», должны быть подвергнуты сомнению), но это лишь спровоцировало такую ответную реакцию умеренных (которые сочли, что эта проповедь – пример дурновкусия), что лишь способствовало обеспечению победы кардинала Монтини.

Обращение Ломели по контрасту было тщательно выверено, чтобы обеспечить нейтральность на грани вкрадчивости: «Наш покойный папа был неутомимым поборником мира и сотрудничества на международном уровне. Будем же молиться о том, чтобы следующий папа продолжил эту неустанную работу милосердия и любви...» Никто не смог бы сказать ни слова против этого, даже Тедеско, который улавливал дух релятивизма чутьем собаки, натасканной на поиски трюфелей. Ломели беспокоила сама перспектива мессы, его собственные духовные способности. Его будут разглядывать под микроскопом. Телевизионные камеры покажут его лицо самым крупным планом.

Он убрал свою заготовленную речь и подошел к скамеечке для моления, сделанной из простого дерева, точно такая же стояла в комнате его святейшества. Опустился на колени, ухватился за скамеечку с обеих сторон, склонил голову и оставался в таком положении почти полчаса, пока не пришло время спускаться к обеду.

4. In pectore

Столовая была самым большим помещением в Каза Санта-Марта. Она протянулась на всю длину холла с правой стороны и практически не была отделена от него. Беломраморный пол и атриумный стеклянный потолок. Ряд комнатных растений в горшках, которые прежде отделяли столик, где ел папа, был удален. Пятнадцать больших столов предназначались каждый для восьми человек, в центре на белой кружевной скатерти стояли бутылки с вином и водой. Когда Ломели вышел из лифта, столовая была полна. Шум голосов эхом отдавался от поверхностей, в нем слышались оживление и предвкушение, как в первый вечер деловой конференции. Сестры святого Викентия де Поля многим кардиналам уже подали выпивку.

Ломели огляделся в поисках Бенитеза: тот стоял за колонной вне помещения столовой. О'Мэлли каким-то образом удалось раздобыть сутану с красным поясом и кардинальским кантом, но она была великовата для нового владельца. Казалось, что он теряется в ней.

– Ваше высокопреосвященство, вы уже обосновались? Монсеньор О'Мэлли нашел вам комнату?

– Да, декан, спасибо. На верхнем этаже.

Бенитез вытянул руку с ключом, а глаза его светились удивлением: неужели он и в самом деле оказался в таком месте?

– Говорят, оттуда открывается прекрасный вид на город, но ставни заколочены, – сказал он.

– Это чтобы вы не выдали наших тайн и не получали информацию из внешнего мира, – пояснил Ломели и, увидев недоуменное выражение на лице Бенитеза, добавил: – Это шутка, ваше преосвященство. У всех так. Ну, не стоять же вам здесь одному весь вечер. Так не годится. Идемте со мной.

– Меня здесь вполне устраивает, декан. Наблюдаю.

– Чепуха. Я хочу вас представить.

– В этом есть необходимость? Все тут разговаривают друг с другом...

– Вы теперь кардинал. Вам нужна некоторая уверенность в себе.

Ломели взял филиппинца под руку и повел в центр обеденного зала, любезно кивая монахиням, ожидавшим команды начать разносить

еду. Они протиснулись между столиками и наконец нашли себе место. Ломели взял нож и постучал по стенке винного бокала. В столовой воцарилась тишина, только престарелый архиепископ-эмерит Каракаса продолжал громко говорить, пока его собеседник не махнул перед ним рукой, показывая на Ломели. Венесуэлец оглянулся и пощуровал у себя в ухе, настраивая слуховой аппарат. Пронзительный свист вынудил поморщиться его ближайших соседей, втянуть голову в плечи. Он извиняющимся жестом поднял руку.

Ломели кивнул ему:

– Спасибо, ваше высокопреосвященство. Братья мои, прошу вас сесть.

Он дождался, когда все рассядутся, и продолжил:

– Ваши высокопреосвященства, прежде чем вы приступите к трапезе, я хотел бы представить вам нового члена нашего ордена, о чьем существовании никто из нас не знал и кто прибыл в Ватикан всего несколько часов назад.

В зале началось удивленное шевеление.

– Процедура совершенно законна и известна как возведение в сан *in pectore*, – заверил Ломели. – Причина, по которой это было сделано таким образом, известна только Господу и покойному папе. Но я думаю, мы можем легко догадаться об этой причине. Приход нашего нового брата – самый опасный на земле. Ему пришлось проделать нелегкое путешествие, чтобы присоединиться к нам. И потому у нас тем более есть все основания, чтобы тепло встретить его. – Он посмотрел на Беллини, который не отводил взгляда со столешницы. – Милостью Божьей братство ста семнадцати пополнилось еще одним членом. Добро пожаловать в наш орден, кардинал Винсент Бенитез, архиепископ Багдада.

Он повернулся к филиппинцу и захлопал в ладоши. Несколько неловких мгновений его поддерживали единицы. Но постепенно присоединились и другие, пока хлопки не перешли в теплую овацию. Бенитез в удивлении оглядывал улыбающиеся лица.

Когда аплодисменты стихли, Ломели обвел зал рукой:

– Ваше высокопреосвященство, не хотите благословить нашу трапезу?

На лице Бенитеза появилось такое встревоженное выражение, что Ломели даже подумал, что новому кардиналу никогда прежде не

приходилось читать молитву. Но потом тот пробормотал:

– Конечно, декан. Для меня это большая честь.

Он перекрестился и склонил голову. Все сделали то же самое. Ломели ждал, закрыв глаза. Несколько долгих секунд в столовой стояла тишина. Ломели начал уже волноваться, не случилось ли что-то с Бенитезом, но тот заговорил:

– Благослови нас, Господи, и благослови всех тех, кто хочет воспользоваться Твоей щедростью. Благослови и всех тех, кто не может разделить с нами эту пищу. И помоги нам, Господи, когда мы будем пить и есть, помнить обо всех голодных и испытывающих жажду, больных и одиноких, тех сестрах, которые приготовили для нас эту еду и которые будут подавать ее нам сегодня. Через Господа нашего Иисуса Христа, аминь.

– Аминь.

Ломели перекрестился.

Кардиналы подняли головы и развернули салфетки. Сестры в синем одеянии, ожидающие знака, начали выносить из кухни тарелки с супом. Ломели взял Бенитеза за руку и огляделся в поисках столика, за которым их примут дружески.

Он подвел филиппинца к соотечественникам – кардиналу Мендозе и кардиналу Рамосу, архиепископам Манилы и Котабато соответственно. Они сидели за столом с другими кардиналами из Азии и Океании, и оба почтительно поднялись при их приближении. Особенно велеречив был Мендоза. Он обошел стол и ухватил руку Бенитеза.

– Я так горжусь. Мы все гордимся. Вся страна будет гордиться, узнав о вашем возвышении. Декан, вы знаете, что для нас в Манильской епархии этот человек – настоящая легенда? Вы знаете, что он сделал? – Он снова обратился к Бенитезу: – Сколько же лет прошло? Двадцать?

– Скорее, тридцать, ваше высокопреосвященство, – ответил Бенитез.

– Тридцать!

Мендоза начал вспоминать: Тондо и Сан-Андрес, Бахала-На и Куратонг-Балеленг, Пайатас и Багонг-Салинган...^[31] Поначалу эти слова ничего не говорили Ломели. Но постепенно он начал понимать, что это либо названия трущобных районов, где Бенитез служил

священником, либо уличных банд, которым он противостоял, создавая спасательные миссии для их жертв, в основном детей, вовлеченных в проституцию, и наркоманов. Спасательные миссии все еще существовали, и люди все еще вспоминали «священника с тихим голосом», который их создал.

Конец ознакомительного фрагмента. [Полный текст доступен на www.litres.ru](http://www.litres.ru)

notes

СНОСКИ

1

Это выражение восходит к латинскому «*Tecum vivere amem, tecum obeam libens*» из оды III, 9, Горация: «С тобой хочу я жить, с тобой и умереть».

2

Вакантный престол (*лат.*).

Дом Святой Марты – (лат. Domus Sanctae Marthae) – здание недалеко от собора Святого Петра, построенное в 1996 г., используется как гостиница для приезжающих в Ватикан священников и как жилье для кардиналов-выборщиков во время конклава.

4

Пилеолус, или дзукетто, – шапочка священников разного ранга.

Святой Викентий де Поль – католический святой, основатель Конгрегации лазаристов и Конгрегации дочерей милосердия.

Апостольская палата (лат. Camera Apostolica) – одна из главных дикастерий (ведомств) Римской курии, в ведении которой находятся материальные ценности. Возглавляет Апостольскую палату кардинал в должности камерленго.

Камерленго, или камерарий Римско-католической церкви, – одна из высших придворных должностей при Святом престоле. Должность камерленго имеет светские административные функции, среди которых управление финансами и имуществом Папского престола.

Иов. 30: 20.

Речь идет о Франциске Ассизском, который вместе со сподвижниками воздвиг крест на вершине Ла-Верна; согласно преданию, в этот день на его руках и ногах появились стигматы – следы гвоздей, которыми был распят Христос.

Лк. 9: 3.

Кольцо рыбака – официальное кольцо папы римского, который считается преемником святого Петра, бывшего рыбака. Кольцо по традиции переплавляется для нового папы.

«*О подражании Христу*» (лат. De Imitatione Christi) – католический богословский трактат Фомы Кемпийского. Датой создания считается 1427 г.

Мк. 15: 46.

Μφ. 28: 19.

«Униженные земли» – библейское выражение, см.: Иов. 24: 4.

Килдэр – графство на востоке Ирландии.

Рочетто – белое кружевное одеяние католических священников;
моцетта – накидка, надеваемая поверх рочетто.

Кол. 2: 3.

Дом католического священничества (*лат.*).

Биретта – традиционный головной убор католических священников – четырехугольная шапочка.

«Вселенская паства Господня» (*лат.*) – апостольская конституция Римско-католической церкви, изданная папой римским Иоанном Павлом II 22 февраля 1996 г. Она заменила Апостольскую конституцию 1975 г. папы римского Павла VI.

Эмерит (лат. emeritus – заслуженный, почетный) – звание профессоров, преподавателей высшей школы, а также священников, которые в связи с преклонным возрастом или по другим обстоятельствам освобождены от исполнения своих ежедневных обязанностей.

Верховный трибунал апостольской сигнатуры – высший суд в системе судопроизводства Римско-католической церкви, обеспечивающий также контроль за должным совершением правосудия в Церкви.

«Легион Христа» – ультраконсервативная католическая организация, основатель которой был уличен в педофилии.

Конгрегация доктрины веры – старейшая и главная из девяти конгрегаций Римской курии, в компетенции которой находится наблюдение за ортодоксальностью и чистотой вероучения, одно из прошлых названий конгрегации – Верховная священная конгрегация Римской и Вселенской инквизиции.

Марсель Франсуа Лефевр (1905–1991) – католический архиепископ, генеральный настоятель Конгрегации Святого Духа, основатель и генеральный настоятель Священнического братства св. Пия X.

Μφ. 19: 21.

Имеется в виду труд Игнатия Лойолы (1491–1556), основателя ордена иезуитов.

Джоаккино Антонио Россини (1792–1868) – выдающийся итальянский композитор, автор 39 опер, а также многочисленных произведений духовной и камерной музыки.

In pectore – латинское выражение, переводимое как «в груди», «в сердце», «втайне». Появилось в 1536 г., чтобы обозначить кардинала, которого папа назначил своим секретным решением. Если папа об этом не сообщил консистории до своей смерти, то такое назначение считается недействительным.

Тондо, Сан-Андрес – районы Манилы на Филиппинах; *Бахала-На* – уличная филиппинская банда; *Куратонг-Балеленг* – организованный преступный синдикат на Филиппинах; *Пайатас* и *Багонг-Салинган* – муниципалитеты в Маниле.